

СОЦИАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ
www.argumenty.ru • выходит по четвергам

Николай Николаевич Лузан
Кто, если не мы
Серия «Мир шпионажа»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17047021
Кто, если не мы/ Лузан Н.: Издательский дом «Аргументы недели»; Москва; 2015
ISBN 978-5-9905755-8-5

Аннотация

В основу рукописи положены драматические события августа 2008 года, и последующая деятельность руководства Департамента военной контрразведки ФСБ России, и одного из его головных управлений в период проведения в российской армии сложной, далеко не однозначной и болезненной реформы 2008–2012 годов.

Эта их многогранная деятельность проходит на фоне борьбы с иностранными спецслужбами, в первую очередь с ЦРУ, по предотвращению утечки важнейших оборонных секретов и современных военных технологий.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	13
Глава третья	25
Глава четвертая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Николай Лузан

Кто, если не мы

Глава первая

08.08.2008

Новороссийск, 08.08.2008

Короткая летняя ночь подходила к концу, яркая россыпь южных звезд потускнела, блеклый диск луны грустно подмигнул серыми глазищами космических морей и скрылся за зубчатой стеной гор. Небо и море налились густой синевой, ветер стих, и воздух, казалось, стал недвижим. В наступившей тишине несмело, чуть слышно прощебетали птицы и смолкли. Все живое замерло в ожидании нового дня.

Прошло мгновение, робкий солнечный луч окрасил кромку горизонта в нежно-розовый цвет. Воздух пришел в движение, и, как по мановению дирижерской палочки, птицы дружно защебетали на разные голоса. Гигантская размытая тень гор, безмятежно покоившаяся на глади Цемесской бухты, пошла изломами. Море вспенилось седыми барашками и грозной волной обрушилось на гранитные скалы; они же невозмутимо взирали на это буйство, и оно смирившись и сердито шипя, расплескалось по берегу. Новый день вступил в свои права.

Новороссийск не спешил просыпаться и продолжал нежиться в утренней прохладе. Морской бриз, шаловливо поиграв портьерой в настежь распахнутой двери балкона квартиры командира 76-й Псковской воздушно-десантной дивизии генерал-майора Колпаченко, по-хозяйски прошелся по гостиной, затем заглянул в спальню и зашелестел страницами открытой книги. Александр приоткрыл глаза, бросил взгляд на часы – стрелки показывали четверть пятого, и снова погрузился в сладостный сон.

Пошли третьи сутки отпуска, ставшего для него полной неожиданностью. Еще неделю назад генерал не мечтал о такой милости старших начальников и готовился проводить его, как обычно, в «бре». Но в его планы на этот раз, к счастью, вмешалась удача.

4 августа завершились учения «Кавказ. Стабильность-2008». Они, а больше подготовка к ним, отняли у Колпаченко немало здоровья и нервов. Для него и сотен других командиров это были не просто очередные учения, а суровый экзамен, который устроил недавно назначенный на должность министра обороны страны Анатолий Сердюков. И не просто министр, а человек сугубо гражданский, с приходом которого в армии началась болезненная и давно уже назревшая реформа. Он, невзирая на прошлые заслуги и чины, открытые демарши и скрытый саботаж отдельных генералов, беспощадно и решительно перестраивал армию на новый лад.

Эти первые итоги перестройки громадой неуклюжей военной машины проявились в ходе учений и оказались плачевными для значительного числа командиров. Они со своим устаревшими подходами к организации боевой деятельности войск, в глазах Анатолия Сердюкова, не вписывались в облик будущей армии и потому вынуждены были писать рапорта на увольнение. Колпаченко и десантникам повезло больше: министр промолчал, а у начальника Генштаба генерала Николая Макарова нашлось для них даже несколько добрых слов. Его похвала стала своего рода индульгенцией для командующего воздушно-десантными войсками генерал-лейтенанта Валерия Евтуховича. На радостях, что подчиненные не сплосховали, а «сердюковская коса» не коснулась его головы, он в тот же день поощрил Колпаченко и ряд других командиров, предоставив им отпуска.

5 августа, отправив дивизию к месту постоянной дислокации в Псков и передав управление ею начальнику штаба полковнику Арутюну Дарбиняну, Колпаченко в тот же день выехал к семье в Новороссийск. Там после восьми месяцев разлуки его с нетерпением ждали жена Антонина и сыновья Максим и Иван. В первое время он, следуя шутливому совету старого друга – заместителя командующего ВДВ генерал-майора Вячеслава Борисова, не читал газет, не смотрел телевизор, пытался не думать о службе, а отсыпался после бессонных ночей и наслаждался покоем.

Но она – служба не отпускала Александра. 8 августа в 5.30 у него сработал внутренний будильник. По старой армейской привычке, вошедшей в плоть и кровь еще с курсантских времен, он отбросил простыню на спинку кровати, рывком поднялся, опустил ноги на пол и потрянул головой.

«Так, во втором полку надо проверить план батальонного учения, в третьем – взять на контроль техобслуживание техники, потом разобраться с... – первое, о чем подумал Колпаченко и спохватился: – Стоп, Саша! Хватит воевать! Ты же в отпуске! Ты дома!..» – на его лице появилась блаженная улыбка. Он с нежностью посмотрел на жену: Тоня, свернувшись калачиком, сладко посапывала, ее припухшие губы сложились бантиком, а на щеке проступил нежный румянец, поправив, сползшую с ее плеча простыню, прилег рядом. И тут заработал, молчавший все последние дни, служебный сотовый телефон. На дисплее высветилось «Борисов».

«ЧП в дивизии?!.. Или.» – но об этом Колпаченко не хотелось даже думать. Однако звонок Борисова подтверждал наихудшие предположения: по пустякам в столь ранний час, тем более, зная, что он в отпуске, тот не стал бы беспокоить, и сердце Колпаченко екнуло. Они слишком хорошо знали друг друга. Впервые военная судьба свела их в далеком 1987 году в Афганистане. Там выпускники Рязанского военного воздушно-десантного училища капитан Борисов и старший лейтенант Колпаченко не в теории – на учениях, а на практике – в бою познали цену жизни и цену смерти, там родилось их боевое товарищество. С возвращением на родину война для них не закончилась, она настигла друзей на родной земле. Вместе с подчиненными им, подобно пожарникам, пришлось тушить ее испепеляющий жар то в Азербайджане, то в Грузии, то на Северном Кавказе. И только осенью 2001 года, после разгрома банд Дудаева в Чечне и Гелаева в Абхазии, для них, казалось бы, наступил мир, но, как оказалось, ненадолго.

8 августа 2008 года эта иллюзия исчезла. Сбывался мрачный прогноз аналитиков из штаба ВДВ и ГРУ: президент Грузии Саакашвили, грозивший непокорным Южной Осетии и Абхазии привести их к повиновению, все-таки решился на военную авантюру. Александр, стараясь не потревожить жену, стремительно прошел на кухню и ответил на вызов Борисова.

– Здравия желаю, товарищ генерал-майор!

– Здравствуй, Александр Николаевич, – ответил тот и, прокашлявшись, как-то отстраненно поинтересовался: – Ты чем занимаешься?

– Как вы и рекомендовали, товарищ генерал: газет не читаю, телевизор не смотрю, писать ничего не пишу и о службе пытаюсь не думать.

– Понятно. Теперь, Саша, про тебя напишут в недружественной нам зарубежной прессе.

– В каком это смысле, товарищ генерал?

– В Южной Осетии и Абхазии резко обострилась обстановка.

– Что, серьезные провокации?

– Хуже, – пройдясь крепким армейским словом по президенту Грузии, Борисов глухо обронил: – В Цхинвале идут бои!

– Чт-о?! Сцак, он что, совсем охренел?! – Колпаченко не мог поверить, что в Южной Осетии началась война.

Действительность оказалась намного ужаснее, чем он себе мог представить. Президент Саакашвили, наплевав на международные нормы, действовал вероломно и нагло. На горстку ничего не подозревавших российских миротворцев и мирно спящий город он бросил двенадцатитысячную, вооруженную до зубов, армию. Решиться на войну в день открытия Олимпиады в Пекине мог только отъявленный подлец и наглец. Масштабные учения Российской армии на Северном Кавказе «Кавказ. Стабильность-2008» – это недвусмысленное предупреждение политического руководства России – «ястребы» в Тбилиси самонадеянно проигнорировали. Полагаясь на политическую и военную поддержку США и НАТО, Саакашвили рассчитывал покончить с мятежными республиками за несколько суток.

«Все-таки война!» – подумал Колпаченко и поежился.

Подтверждение тому прозвучало в словах Борисова.

– Мерзавцы! Похерили мандат ООН! «Градами» бьют по южному лагерю миротворцев! Грузинский спецназ в Цхинвале, и валит всех подряд! Эта сволочь Сцак... – негодовал он и проклинал Саакашвили.

– Там же дети? Там же старики? Как же. – у Колпаченко больше не нашлось слов.

Перед его мысленным взором полыхал пожарищами и вздыбливался к небу зловещими черными тюльпанами Цхинвал. С господствующих высот артиллерийские расчеты грузинской армии методично, как на учебном полигоне, подавляли один за другим очаги сопротивления югоосетинского ополчения. Одновременно отборные командос, натасканные в Ираке и Афганистане, бронированными клиньями вгрызались в зыбкую оборону защитников города и к рассвету 8 августа полностью блокировали южный лагерь российских миротворцев.

Командир батальона подполковник Константин Тимерман вместе с подчиненными и приданным ему подразделением армейского спецназа оказывали отчаянное сопротивление. Несмотря на тяжелые потери – в первые часы боя погибли 14 человек, они стояли насмерть и не позволили грузинской армии продвинуться ни на шаг. Эта непредвиденная заминка ломала тщательно разработанный советниками из НАТО и Генштабом Грузии план военной операции «Чистое поле» – захвата Южной Осетии. Цхинвал и Рокский тоннель, связывающий ее с Россией, несмотря на большие потери, агрессору взять с ходу не удалось.

Страшась услышать убийственный ответ, Колпаченко, внезапно осипшим голосом, спросил:

– Товарищ генерал, тоннель чей?

– Пока наш, но положение тяжелейшее. Миротворцы и группа спецназа отбиваются из последних сил. 58-я армия Хрулева на марше, но когда дойдет до Цхинвала – только одному богу известно! Поэтому, Саша, как говорится, «Никто, кроме нас!».

Однако для Колпаченко, и без этого напоминания, не существовало иного выбора: как забыть про свои 52 года, про предстоящее увольнение и стать в один строй с теми, для кого высшей ценностью являлась верность присяге и духу святого войскового товарищества. Борисов говорил что-то про увольнение, что в житейском плане он может его понять, а Колпаченко всеми своими мыслями был уже там, в Пскове, с подчиненными и объявил:

– Товарищ генерал, я немедленно вылетаю в Псков и принимаю командование дивизией на себя!

– Спасибо, Саша, другого решения я и не ждал, – потеплевшим голосом произнес Борисов и после продолжительной паузы, с трудом подбирая слова, продолжил: – Ну, ты там, с Тоней, как-то... В общем, объясни, что ненадолго.

– Товарищ генерал, вы же ее знаете. Она жена боевого, а не паркетного генерала.

– Все так, Саша. Теперь по существу, – перешел на деловой тон Борисов. – В Псков тебе лететь не надо. Твой НШ занимается отправкой личного состава и техники в Моздок. Встречай на месте и сразу на марш!

– Есть! – принял к исполнению Колпаченко и уточнил: – Товарищ генерал, какова будет задача дивизии в Южной Осетии?

– Задача?! Эти... – Борисов, выругавшись, снова дал волю чувствам: – Какая на хрен задача?! Перестраховщики! Паркетные шаркуны! Все бздыт взять на себя ответственность! Как война, так у нас 41-й год!

– М-да, – только и мог что произнести Колпаченко и, тяжело вздохнув, повторил вопрос: – Так какая будет задача, товарищ генерал?

– Одна задача, Саша, воевать! Своих спасать! Чего тут непонятного?

– Ясно, но это же территория иностранного государства? Тут.

– Что-о?! И ты меня учить собрался?! – вспылil Борисов и уже не говорил, а кричал в трубку: – Саня, ты че несешь? Ты че, как те паркетные бздыкуны, за чужие спины прячешься?! Какой на хрен приказ?! Кто его даст? Этот... – связь на миг пропала. – со своим «эскадром амазонок» бабки пилит. В Генштабе кабинеты и столы делят! Никто ничего толком не знает! Везде бардак! Везде.

Борисов продолжал бушевать, разнося в пух и прах армейских бюрократов и перестраховщиков. А в Колпаченко все кипело от негодования – обвинение в трусости взорвало его, и он, забыв про субординацию, выпалил:

– Слава, я трусом не был и не стану! За чужие спины не прятался и прятаться не собираюсь! Я готов.

– погоди, погоди, Саша! Не лезь в бутылку, – сбавил обороты Борисов и, извинившись, посетовал: – Думаешь, мне тут сладко? Бьюсь как рыба об лед.

Колпаченко, остыв, в душе посочувствовал Борисову: с такими, как у него, вопросами к нему и командующему ВДВ, наверное, обращались командиры других дивизий, и не удержался от главного вопроса:

– Товарищ генерал, а что Верховный Главнокомандующий?

– Верховный? Ему на Параде Победы лень задницу от кресла оторвать! Так чего ты от него хотел? – в сердцах бросил Борисов. – Одна надежда на ВВП. А он в Пекине. Гады, все рассчитали! Под шумок, одним хапком проглотить Осетию. Подавятся. Не на тех напали. Поэтому, Саша, нам с тобой бздеть никак нельзя. Забздим сегодня, завтра хреново всем будет. Эти выблядки рассчитывают, что мы хвост подожжем. Россию хотят в задницу засунуть. Вот им, хрен! Скрутим в бараний рог! Так, Саша?

– Так точно, товарищ генерал! – подтвердил Колпаченко и уточнил: – Чем мне добираться до Моздока?

– Вертушкой. Свяжись с Краснодаром, там у них еще что-то осталось.

– Ясно. Есть!

– Вот и договорились. Встречаемся в Осетии. Я буду в Джаве, там сейчас разворачивается временный КП. Поторопись, Саша, исход войны решают не часы, а минуты. Сволочи, если закупорят Рокский, то мы такой кровью умоемся, что лучше об этом не думать. Я, надеюсь на тебя, Саша.

– Не подведу, товарищ генерал! Сделаю все, что в моих силах! – заверил Колпаченко.

– Этого мало. Надо сделать невозможное, а ты это сможешь! Удачи тебе, Саша! – закончил разговор Борисов.

Колпаченко выключил телефон и какое-то время не мог пошелохнуться. То, что происходило в Южной Осетии, находилось за гранью разумного. В то время как олимпийский Пекин сиял феерическим шоу и купался в море счастливых улыбок, крохотный Цхинвал корчился в нечеловеческих муках и погибал под разрывами снарядов систем залпового огня «Град».

– Сволочи! – сорвалось с губ Колпаченко. После короткого раздумья он набрал номер дежурного по Краснодарскому гарнизону. Ответ для него не стал неожиданным. Корпус, о

котором говорил Борисов, попал под каток реформаторов. От вертолетной эскадрильи осталось две машины: одна вылетела во Владикавказ, а другая стояла без лопастей.

«Как война, так у нас 41-й год» – вспомнил Колпаченко слова Борисова и от горечи заскрипел зубами. Последняя надежда оставалась на родную в недавнем прошлом новороссийскую 7-ю воздушно-десантную дивизию, где он три года прослужил начальником штаба. Пальцы привычно набрали хорошо знакомый номер, в последний момент Колпаченко остановился: разрешение на вылет, тем более в Моздок, давала только Москва, и застонал от бессилия. Он, командир боевой дивизии, ничего не мог сделать, его по рукам и ногам связывали инструкции и указания, сотнями рождавшиеся в далеких кабинетах «арбатского округа». Колпаченко вскочил со стула и заметался по кухне в поисках выхода.

«Машина? Ага, на УАЗе приедешь как раз к концу войны! Стоп! А Юра? Старый надежный друг, он и черта достанет! Надо звонить ему!» – оживился Колпаченко, пробежался по справочнику контактов, остановился на фамилии Сердюк и нажал на кнопку. Никто не ответил, и он повторил вызов. На этот раз в телефоне зазвучал недовольный, сонный голос:

– Кому эт не спится в ночь глухую?..

– Юра, здравствуй, это Колпаченко. Извини, что беспокою.

– О, Александр Николаевич! – воскликнул Сердюк и уже бодро, по-военному поздоровался: – Здравия желаю, товарищ генерал! Не казни старого полковника, сразу не узнал. Гражданка засасывает как болото.

– Да ладно, Юра, зато богатым буду, – невесело пошутил Колпаченко и поинтересовался: – Как семья? Как дела?

– Семья в строю. Вот внука тебе готовлю. А дела? Ну, какие могут быть дела на гражданке – ворую.

– Как Лена?

– Нормально. Бери Тоню и приезжай, будем только рады.

– Спасибо, Юра, непременно. Я что звоню: мне нужна хорошая скоростная машина.

– Давно пора, Александр Николаевич, не дело генералу на УАЗе ездить.

– Юра, речь не о том, в Южной Осетии серьезная заваруха.

– Чт-о?! Войн... – осекся Сердюк.

– Похоже, так. Среди наших есть потери, – подтвердил Колпаченко.

– Гады! Оборзели в конец! Моська, и на слона?! – взорвался Сердюк.

– Юра, так поможешь с машиной? Мне своих надо встречать в Моздоке! – перебил его Колпаченко.

– Машина? В Моздок?! А где вертушки? – ничего не мог понять тот.

– Долго объяснять, сам знаешь, реформа в армии. Так как с машиной?

– Дореформировались! Е... – выругавшись, Сердюк спросил: – Куда прислать?

– Ко мне домой.

– Так-так. – Сердюк перебирал в уме своих знакомых и, остановившись, объявил: – Через час машина будет. Водила, конечно, не Шумахер, но лучшего в Новороссийске не найти. Звать Гриша Гогоберидзе.

– Грузин, что ли?! – удивился Колпаченко.

– Грузин, но наш грузин. Классный парень, не подведет, – заверил Сердюк.

– Ну-у, дела, кому скажешь, так не поверит. Русского генерала на войну с грузинами везет грузин. Довбанные политики! Чтобы их б... – в сердцах бросил Колпаченко.

– Не то слово, Саша! Двадцать лет назад мы о таком даже подумать не могли. Что творят? Сволочи! Я бы этого сукина сына Сцака за яйца подвесил.

– Подвесим, не мы, так грузинский народ. А за машину, Юра, спасибо, – поблагодарил Колпаченко.

– Саша, давай я с тобой. Помнишь, как в Чечне? Соберу казаков и вперед!

– Нет, Юра, ты свое отвоевал. Это другая война. Извини, но мне надо с дивизией связаться, – закончил разговор Колпаченко.

– Удачи тебе и твоим бойцам, Александр Николаевич. Сверни башку гадам и возвращайся живым, – пожелал Сердюк.

– Спасибо, Юра, все будет путем! – заверил Колпаченко, и теплая волна благодарности поднялась в груди.

В трудную минутку друзья не подвели. Теперь, когда вопрос с транспортом решился, он набрал номер начальника штаба 76-й дивизии. Тот ответил немедленно. В телефоне далеким эхом звучали голоса подчиненных, хорошо знакомые Колпаченко, и непрерывно трещали звонки. На командном пункте дивизии четко и без суеты действовали оперативные дежурные и начальники служб.

Доклад начальника штаба дивизии полковника Арутюна Дарбиняна поднял настроение Колпаченко. Дивизия уверенно становилась на крыло. Из ангаров своим ходом вышла вся боевая техника; личный состав, получив вооружение, готовился к посадке в самолеты. Сказывались боевая выучка и ежедневные тренировки – без своего командира подчиненные действовали как хорошо отлаженная машина. Сердце Колпаченко наполнила гордость, когда он узнал: в строй стали даже те, кто находился в госпитале. В час испытаний боевое десантное братство объединило всех – офицеров и солдат, опытных бойцов и необстрелянных первогодков. Теперь он жил только одним – поскорее занять свое место в строю.

Скрип двери вернул Колпаченко к мирной действительности. Он обернулся, и сердце сжалось. На пороге стояла Тоня. Ее лицо еще сохраняло следы сна, а в глазах плескалась тревога.

– Саша, что случилось?! Кто звонил? Борисов? Сердюк? Чего они хотели? – затеребила она вопросами.

– Все нормально, Тоня. Так, небольшие проблемы, – пытался он успокоить ее.

– Нет, Саша, ты что-то скрываешь? Я по тебе вижу. ЧП в дивизии?

– Понимаешь, Тоня, тут такое дело... – Колпаченко замялся и, пряча глаза, объявил: – В общем, я выезжаю в Моздок.

– Куд-а? – брови Антонины поползли вверх, изумление на лице сменилось ужасом и с ее дрогнувших губ сорвалось: – Осетия? Неужели война?

Александр промолчал. Но и без слов Антонина своим женским сердцем чувствовала: мужу предстояла очередная командировка, лукаво называемая политиками в «горячую точку». «Точку», где ему вместе с подчиненными приходилось вставать стеной на пути разъяренной толпы, выкуривать боевиков из «крысиных нор» и погибать в подлых засадах. Каждый раз, когда Александр покидал дом, Антонина не находила себе места. И сейчас ее умоляющий взгляд искал его глаза, а с губ срывалось:

– Неужели это война?! Неужели?

– Нет, военный конфликт, – уходил Колпаченко от прямого ответа.

– Но это неправда, Саша! Зачем тогда поднимать твою дивизию?

– Для усиления.

– Какого? Для чего?

– Тоня, все решено!

– Кто решил?! Когда? А ты подумал обо мне, о детях?!

– Тоня, все будет нормально. Оставь свои страхи.

– Саша, Сашенька, ты же собрался увольняться? Зачем тебе это? Откажись!

– Не могу, Тонечка! Не могу, – твердил Колпаченко.

– Саша, тебе 52 года! Ты уже 20 лет воюешь! Пусть воюют другие! Я тебя прошу, откажись! – умоляла Антонина.

– А что скажут ребята? Как я потом буду смотреть им в глаза? Все решено! Юра Сердюк присылает машину, и я выезжаю в Моздок! – отрезал Колпаченко и, бережно отстранив жену, пошел собираться. Антонина потерянно металась по квартире, хватаясь то за одно, то за другое.

Звонок в прихожей положил конец их трудному, мучительному расставанию. Колпаченко решительно направился к двери и открыл. Перед ним стоял лет 27, невысокого роста, худощавый парень. Переминаясь с ноги на ногу, он с характерным акцентом в голосе поздоровался и представился:

– Я, Григорий, от Юрия Вячеславовича, товарищ генерал!

– Заходи! – пригласил Колпаченко в квартиру и, крепко пожав ему руку, поинтересовался: – Где служил?

– В автобате Киевско-Житомирской ордена Кутузова III степени дивизии Ракетных войск стратегического назначения. Замкомвзвода. Старший сержант.

– Значит, бывалый солдат.

– Так точно!

– Ну что, Гриша, придется снова вспомнить службу.

– Я готов, товарищ генерал.

– Спасибо! Для тебя я Александр Николаевич. Жди в машине, я сейчас.

– Может, что поднести, товарищ генерал? – предложил Григорий.

Колпаченко невесело улыбнулся и заметил:

– Э-э, забыл ты, товарищ старший сержант, военному подносят только патроны и чарку, все остальное он делает сам.

Григорий хмыкнул и, развернувшись, направился к выходу.

Проводив его теплым взглядом, Колпаченко возвратился в комнату, и обняв жену за плечи, подвел к дивану и предложил:

– Тонечка, присядем на дорогу.

Она, смахнув с глаз слезы, присела рядом и прижалась к нему всем телом. Александр почувствовал, как оно затрепетало, и к его горлу подкатил колючий комок.

«Милая ты моя! Верная ты моя! Сколько же я тебя буду мучить? Когда все это закончится?» – казнился Колпаченко.

Антонина не выдержала и всхлинула. Он, боясь показать свою слабость, внезапно осипшим голосом произнес:

– Все, Тонечка, мне пора!

– Саша! Сашенька! Господи сохрани тебя и твоих ребят! – срывалось с дрожащих губ Антонины.

Он, торопливо поцеловав ее, подхватил спортивную сумку – «тревожный чемодан», и поспешил на выход. Во дворе у BMW 5-й модели его ждал Григорий. Забросив сумку в багажник, Колпаченко занял переднее сидение, оно жалобно скрипнуло под весом в 120 килограммов могучего тела, и распорядился:

– Поехали, Гриша!

– А по какому маршруту, Александр Николаевич, через Краснодар или Адыгею? – поинтересовался тот.

– А где быстрее?

– Через Адыгею чуть длиннее, но там движение меньше.

– Значит, через Адыгею.

– Есть, товарищ генерал! – по-военному ответил Григорий и тронул машину.

Быстро выбравшись из города, он, ловко маневрируя, пробился сквозь пробку на перевале у станции Тоннельная, и, вырвавшись на простор, прибавил газу. Серая лента шоссе извивалась по живописным предгорьям. Колпаченко остановившимся взглядом смотрел

перед собой и не замечал красот Южной Кубани: густых лесов, подернутых легким золотистым налетом увядающей листвы, оранжевого моря полей подсолнечника, раскинувшихся до самого горизонта. Он не слышал мелодичной, берущей за душу, казачьей песни, которую пели бригады девчат, собиравшие помидоры.

Перед глазами генерала стояли иные сцены – чудовищные по своей жестокости и бессмысленности: объятые огнем пожарищ дома, искореженные гусеницами танков остовы машин, истерзанные осколками и собаками, распухшие на жаре и издающие непереносимый смрад, трупы людей. Все это повторялось в выжженном палящим солнцем афганском Кандагаре, в благодатных субтропиках Абхазии, в мрачных развалинах Грозного. И этому безумству и жестокости человека не было видно конца.

Резкий толчок заставил Колпаченко встрепенуться. Григорий резко ударил по тормозам и чертыхнулся. Из кустов на дорогу вальяжно выплыли два милиционера. Капитан, лениво помахивая жезлом, неспешно приближался к BMW.

– Чертовы доишники! Теперь будут доить по полной программе! – в сердцах воскликнул Григорий.

– Все будет нормально, Гриша, мы же не на свадьбу едем, – развеял его опасения Колпаченко.

– Хорошо, если только подоят, а то еще в ментовку потащат, – продолжал сокрушаться Григорий.

Колпаченко бросил нетерпеливый взгляд на часы. Стрелки неумолимо отсчитывали драгоценные для него секунды и минуты, а капитан-милиционер, как нарочно, тащился будто черепаха. Оценивающим взглядом прошелся по машине, номерам, и его глаза алчно блеснули. Небрежно козырнув, он представился и потребовал у Григория права. Тот потянулся к документам.

– погоди, Гриша! – остановил его Колпаченко и обратился к милиционеру: – Товарищ капитан, водитель здесь не причем. Все вопросы ко мне.

– Че-го?! – промычал милиционер и, наклонившись, заглянул в салон.

Его физиономия вытянулась, и от вальяжности не осталось следа, когда перед глазами возникла генеральская звезда. Забыв про Григория, его права, милиционер вытянулся в струнку под грозным взглядом генерала.

– Вас как звать, товарищ капитан, – вывел его из столбняка Колпаченко.

– Э-э... Анатолий, – пришел в себя милиционер.

– Где служили?

– В ПВО.

– Тоже войска. Так вот, Толя, извини, что нарушаем правила, я спешу на войну.

– Че-о? На какую еще войну?! – на лице капитана отразилась целая гамма чувств, губы дернулись, обнажив хищный оскал, и он сквозь зубы процедил: – А-а, шутники? Ну, шас пошутим.

– Товарищ капитан, мне не до шуток! Армия Грузии штурмует Цхинвал! Там гибнут наши ребята! – повысил голос Колпаченко.

– Че-о?! Ка-к?! – опешил милиционер.

– А вот так, Толя, скоро в новостях узнаешь.

– Ну-у... – только и мог что выдать из себя капитан, а когда пришел в себя, взял под козырек и спросил: – Товарищ генерал, чем могу помочь?

– Толя, время дорого, не задерживай, – поторопил Колпаченко.

– Да, да, конечно, поезжайте, – засуетился милиционер и махнул жезлом.

Григорий завел машину и тронул с места.

– Стойте! Стойте! – крик Анатолия заставил его нажать на тормоза. Забыв по фуражку, слетевшую с головы, капитан продолжал бежать и размахивать руками.

Открыв дверцу, Григорий выглянул и проворчал:

– Ну, че тебе еще?

– Товарищ генерал, поезжайте за мной! Я обеспечу вам зеленую улицу! – предложил капитан.

– Зеленую? Вот это по-нашенски, по-русски! Спасибо, Толя! – поблагодарил Колпаченко.

Капитан бегом возвратился к своей машине, и через минуту, под вой милицейской сирены, Колпаченко и Григорий на бешеной скорости понеслись к цели – к Моздоку. На пути к нему подвижные посты ГИБДД передавали их друг другу, как самую бесценную эстафету. Вероломная, подлая война, развязанная тбилисскими правителями против Южной Осетии, привела в движение гигантские народные силы.

Первой забурлила Северная Осетия-Алания, за ней – Северный Кавказ, а потом всколыхнулась вся остальная Россия. Десятки тысяч добровольцев, стихийно организовавшись в отряды, двинулись на помощь югоосетинскому народу. Его беда, подобно огню в горниле, сметала с душ людей окалину черствости и пробуждала в них, казалось бы, утраченные за последние 17 лет лихолетья и смуты чувство братской солидарности и готовность к самопожертвованию.

Глава вторая

Никто, кроме нас

(для справки: девиз десантников)

В Моздоке обжигающе смертоносное дыхание близкой войны ощущалось повсюду. На дорогах, идущих в Южную Осетию, столбом стояла пыль — это двигались походные колонны 58-й армии. Улицы города патрулировали усиленные милицейские и наряды гарнизонной комендатуры. Въезд на аэродром перегораживали ежи из колючей проволоки. В воздухе непрерывно стоял рев мощных авиационных моторов, тяжелые транспортные самолеты один за другим заходили на посадку. Военная машина России пришла в движение.

На въездном КПП бдительные контролеры тщательно проверили документы у Колпаченко и Гогоберидзе, потом осмотрели машину и только тогда разрешили въезд на территорию части. Не останавливаясь у штаба, они проехали в конец посадочной полосы, где разгружался огромный Ил. Из его чрева с грохотом выкатывались БТР, БРДМ и выстраивались в походную колонну. Прямо на поле аэродрома обустроивался первый десантный полк, здесь же, под масксетью, разворачивал работу полевой командный пункт 76-й воздушно-десантной дивизии.

Перед постом десантников Колпаченко приказал Григорию остановиться и, крепко пожав руку, на ходу бросил:

— Молодец, классный ты водитель, Гриша, Шумахер отдыхает! После войны жду в гости!

— Спасибо, Александр Николаевич! Удачи вам и ребятам! — пожелал Гогоберидзе и еще долго провожал взглядом могучую фигуру генерала.

Колпаченко, срываясь на бег, поспешил на командный пункт. Заметив его, офицеры и солдаты подтягивались и живо приветствовали. Он энергично отвечал в ответ, пристально всматривался в их лица и не находил ни растерянности, ни страха. В глазах подчиненных читались решительность и собранность. О появлении Колпаченко доложили на командный пункт, начальник штаба дивизии полковник Дарбинян поспешил ему навстречу, подал команду «Смирно!» и обратился с рапортом:

— Товарищ генерал-майор, личный состав 76-й...

— Здравствуй, Арутюн Ванцикович! — остановил его Колпаченко и задал главный вопрос: — Как настрой личного состава?

— Боевой, Александр Николаевич! Все в строю и готовы к выполнению боевых задач! — заверил Дарбинян и с гордостью подчеркнул: — Даже больные из госпиталя выписались!

— Молодцы, ребята! — с удовлетворением отметил Колпаченко и поторопил: — Так, Арутюн Ванцикович, в двух словах, что мы имеем по состоянию дивизии на этот час?

— Первый полк в полном составе находится здесь и занимается подготовкой к маршу. Второй — в воздухе, расчетное время прибытия в Моздок — 18.00. По третьему и подразделениям обеспечения все расписано на графике, — доложил Дарбинян и, распахнув полог палатки, предложил: — С ним, товарищ генерал, вы можете ознакомиться в оперативном отделе.

В нем кипела работа: оперативники на картах прокладывали маршруты движения колонн; артиллеристы производили подсчет боезапаса; связисты пытались наладить связь. Появление командира офицеры встретили дружным: «Здравия желаем, товарищ генерал!».

Поздоровавшись, Колпаченко занялся изучением боевого расчета, подготовленного оперативным отделением штабом. Сосредоточение дивизии в Моздоке планировалось завершить к 3.00 9 августа и начать марш на Цхинвал. Столь сжатые сроки не смутили Кол-

паченко – уровень подготовки личного состава и состояние боевой техники внушали ему оптимизм. БТР и БРДМ были на ходу, а те мелкие неисправности, которые возникли на отдельных агрегатах, не влияли на их боеготовность. Что касается организации связи – этого главного нерва армии, то с ней происходило что-то непонятное. Все попытки связаться с генералом Борисовым и его оперативной группой, находившейся в Южной Осетии, по штатным армейским радиосредствам потерпели неудачу. Колпаченко с недоумением посмотрел на начальника связи дивизии и не удержался от упрека:

– Ну, у вас, как всегда: связь есть, но не работает! – и потребовал: – Товарищ подполковник, доложите, в чем дело?

– Товарищ генерал, такая картина не только у нас. То же самое происходит со связью оперативной группы 58-й армии, что находится в Южной Осетии. Это какой-то Армагеддон... – пустился в объяснения начальник связи дивизии.

– Товарищ подполковник, у нас что, конец света?.. – оборвал его Колпаченко.

– Никак нет, товарищ генерал.

– Тогда нечего рисовать нам апокалипсические картины! – отрезал Колпаченко и распорядился: – Обеспечить мне связь с Борисовым! И обеспечить немедленно!

– Товарищ генерал, мы делаем все, что в наших силах! Но на всех частотах действуют мощные источники радиопомех. Работает только сотовая связь.

– Помехи? А кто их выставил: Саакашвили, американцы?

– Не могу знать, товарищ генерал, скорее всего, американцы.

– Тогда почему работает сотовая? – допытывался Колпаченко.

Начальник связи промолчал и перевел взгляд на заместителя руководителя отдела ФСБ дивизии подполковника Александра Первушина.

– Александр Николаевич, я так полагаю, что противник специально не закрыл открытые каналы связи, чтобы перехватывать наши переговоры, – предположил контрразведчик.

– Специально? Перехватывать? – Колпаченко сбавил тон и согласился: – Похоже, что так.

– Товарищ генерал, в сложившейся ситуации считаю необходимым использовать в переговорах кодовую таблицу «Волга», – предложил Дарбинян.

– Волга, Волга, течет долго, – обронил Колпаченко и в сердцах произнес: – Нет, Арутюн Ванцикович, не пойдет, пока будем шифроваться, война закончится.

– Но других вариантов нет, товарищ генерал, – с горечью констатировал Дарбинян.

– Нет, говоришь? – на лице Колпаченко появилась хитрая улыбка, и он объявил: – Товарищи офицеры, чтобы запутать противника все доклады производить только на командирском языке. Пусть себе на хрен слушают! – и, подмигнув Первушину, спросил: – Контрразведка, как, не против?

Тот тоже улыбнулся и предложил:

– Товарищ генерал, надо только почаще поминать известную мать и, конечно, ваш «ешкин корень».

Начальник связи приободрился, оживились остальные офицеры и посыпали шутками:

– Пусть гады ломают себе головы, какая мать нам помогает. И что это за тайное оружие – «ешкин корень».

Так, на ходу, рождалась новая таблица скрытного управления войсками, при расшифровке которой у противника, в чем можно было не сомневаться, завянут не только уши, а и свихнуться мозги. В оглушительном реве очередного Ила, заходящего на посадку, потонули голоса армейских острословов. На его борту прибыли первая рота и командование второго полка. Колпаченко прервал совещание и отправился их встречать. В ту ночь ни ему, ни Дарбиняну, ни остальным офицерам управления дивизии не удалось сомкнуть глаз. Обстановка

в Южной Осетии накалялась с каждой минутой и требовала от десантников максимальной организованности и оперативности.

В 3.00 9 августа 76-я дивизия в полном составе сосредоточилась в Моздоке, чтобы совершить свой знаменитый марш-бросок в Южную Осетию. В 3.05 арьергард во главе с Колпаченко и группой боевого управления начали движение. Вслед за ними двинулись полки и подразделения обеспечения. На выезде из Моздока к колонне присоединился батальон «Восток» чеченского спецназа во главе с Сулимом Ямадаевым.

Скрипя сердце Колпаченко и Дарбинян приняли это пополнение, но через несколько километров марша от их скепсиса – управлять чеченской «вольницей», не признающей ничего и никого, кроме Аллаха и кинжала, – не осталось и следа. Среди подчиненных Ямадаева поддерживались железный порядок и суровая дисциплина. Их колонна не нарушала общего ритма движения дивизии. Экипажи БТР и грузовиков с бойцами батальона «Восток» строго держали дистанцию между машинами. В эфире также неукоснительно соблюдалась дисциплина переговоров – Ямадаев обменивался короткими репликами с командирами групп и не позволял ничего лишнего.

Таким пополнением Колпаченко остался доволен. В Южной Осетии, в условиях горной местности, батальон «Восток» – элита чеченского спецназа, имеющая богатый опыт борьбы с боевиками, был незаменим в решении задач по поиску и уничтожению командных пунктов противника и организации засад. Мысленно генерал уже находился в Цхинвале рядом с бойцами подполковника Тимермана и югоосетинскими ополченцами, стоявшими насмерть и не позволявшими врагу завладеть городом и пробиться к Рокскому тоннелю. Он пытался представить положение противника, и перед его мысленным взором возникло, казалось, уже забытое военное прошлое.

Низко нависшее свинцовое небо, исполосованное трассерами пулеметных и автоматных очередей. Выворачивающий наизнанку душу и вгоняющий в землю вой реактивных снарядов. Содрогающиеся от разрывов мрачные развалины Грозного. Чадающие факелы догорающих в каменных джунглях танков и БТР. И тела, множество тел, русских и чеченцев на подступах к площади Минутка, раздавленных гусеницами, истерзанных осколками и голодными собаками. И они – два старика и ребенок, каким-то чудом уцелевшие в этом земном аду, где, казалось, сам воздух был пропитан запахом смерти и лютой ненависти.

Колпаченко тряхнул головой, пытаясь освободиться от ужасов прошлого, и бросил взгляд на часы – стрелки показывали четверть восьмого, и чертыхнулся в душе. Дивизия все больше выбивалась из графика движения, разработанного офицерами оперативного отделения. Ей приходилось буквально продираться через хаос, царивший на дороге. «Воевали на бумаге, да забыли про овраги», – с горечью подумал Колпаченко и обратился к Дарбиняну.

– Арутюн Ванцикович, надо что-то делать! С таким темпом движения мы и за сутки до места не доползем.

– Почти на час выбились из графика, – констатировал тот.

– Дальше еще хуже будет: упремся в хвост колонны 58-й армии.

– По мобплану она должна находиться в Южной Осетии.

– Плану?.. – болезненная гримаса исказила лицо Колпаченко, и он с ожесточением произнес: – Если по тем, что сочиняют в Генштабе, то нашей дивизии положено быть за тысячи километров отсюда.

– Действительно, почему подняли нас, а не тульскую? – задался вопросом Дарбинян.

– Арутюн Ванцикович, давай не будем гадать, наше дело воевать. Надеюсь, 58-я прошла Рокский тоннель.

– Я тоже. Говорят, командующий СКВО генерал Макаров не стал ждать приказа министра, и сам двинул войска в Осетию.

– Молодец, правильно сделал! А то с нашими паркетными полководами страну можно просрать. Так что, Арутюн Ванцикович, на Генштаб надейся, а сам... – Колпаченко осекся.

Водитель командно-штабной машины резко ударил по тормозам и взял в сторону, чтобы не врезаться в головную БРДМ. Перед ней бушевала возбужденная толпа. Сотни добровольцев – осетин, терских казаков, чеченцев, дагестанцев, взяв в плотное кольцо Колпаченко, Дарбиняна и Ямадаева, требовали от них только одного: выдать им оружие и взять с собой. Самые горячие, вооруженные охотничьими ружьями, не дожидаясь разрешения, на своих внедорожниках и УАЗах попытались втиснуться в походную колонну десантников. В этом гвалте Колпаченко и его офицеры сорвали голоса, уговаривая добровольцев освободить дорогу и дожидаться подхода частей обеспечения 58-й армии, чтобы вместе с ними идти на подмогу в Южную Осетию. Добровольцы их просьбам вняли и освободили дорогу.

Колонна продолжила марш, но с каждым километром его темп становился все ниже. Потоки беженцев, волна за волной, накатывали на десантников и тормозили их продвижение. Колпаченко вынужден был выдвинуть вперед машины с самыми опытными экипажами. Водители, где маневром, а где броней, сдвигали на обочину все, что мешало движению. Но это мало помогало. На дороге царила стихия, и колонна с черепашьей скоростью продолжала ползти вперед, пока не попала в огромную автомобильную пробку. Попытки инспекторов ВАИ и ГИБДД навести в движении хоть какой-то порядок ничего не давали. Ситуацию до предела осложнила авария – армейский КамАЗ столкнулся с тяжелогруженной фурой. Попытки растащить машины ни к чему не привели.

Колпаченко, Дарбинян и Ямадаев с трудом пробились сквозь наэлектризованную до предела толпу к месту аварии. Их глазам предстала удручающая картина. КамАЗ от удара развернуло на 90 градусов, и он капотом вклинился в расщелину. Положение фуры было и того хуже: от падения в пропасть ее удерживал выступ на карнизе. Одно неловкое движение, и машина рухнула бы вниз, но это не остановило хозяина и его родственников – они, рискуя собой, вытаскивали из кузова домашний скарб. Гора вещей расплзалась по дороге, и это вызывало глухой ропот в толпе. Она, подобно грозовой туче, наливалась гневом, и в адрес хозяина фуры раздались угрозы. Самые горячие принялись спихивать вещи в пропасть. Между ними и семьей завязалась потасовка. Расправу над хозяином фуры и его родственниками предотвратил Ямадаев. Он вскинул автомат и дал очередь поверх голов.

Гулкое эхо пошло гулять по ущелью. Толпа присмирела и отхлынула к скале. В наступившей тишине стал слышен грозный гул реки, зажатой в каменных теснинах, сквозь него прорывались рыдания жены хозяина фуры и плач детей. Прячась за его спину, они с ужасом смотрели на Ямадаева. Он закинул автомат за плечо и шагнул к хозяину фуры. Тот попятился, по его одутловатому лицу ручьем струился пот, а толстые поросшие густыми волосами пальцы, сжимавшие монтировку, побелели на костяшках.

– Брось железяку! – потребовал Ямадаев.

Под его грозным взглядом каплеобразная фигура хозяина фуры съежилась, слово спущенный мяч, руки плетью обвисли к земле, пальцы разжались, монтировка выпала и, звякнув о дорогу, скатилась в кювет. Ямадаев бросил на него презрительный взгляд и, сплюнув под ноги, потребовал:

– Отвали от фуры! – затем обернулся и окликнул: – Ахъяд?

– Я здесь, Сулим, – откликнулся тот и выглянул из люка механика-водителя БТР.

– Вали эту телегу с барахлом в пропасть.

– Понял, командир! Один момент, – заверил Ахъяд и исчез в люке.

БТР взревел двигателем.

– Стойте, остановитесь! Что вы делаете? Как мне жить? Чем мне кормить детей?! – взмолился хозяин фуры.

– А в Цхинвале что, не дети!? Шкура! – взорвался Ямадаев и крикнул: – Давай, Ахъяд!

Тот резко прибавил газу. БТР сшиб фуру с утеса в пропасть. Ее хозяин и его родственники зашлись в столах и рыданиях. Колпаченко и Ямадаеву было не до них – война диктовала свои правила. На ее безжалостных весах имели цену только жизнь и победа. Через 10 минут порядок на дороге был восстановлен, и колонна продолжила марш. Выбравшись из автомобильного капкана, Колпаченко перешел к решительным действиям. Все, что мешало движению, решительно сдвигалось на обочину или безжалостно сбрасывалось в пропасть. Его мысли были подчинены только одной цели – выиграть гонку со временем, чтобы спасти тех, кто уцелел в Цхинвале, и не дать врагу закрепиться на захваченных позициях.

Через двенадцать километров темп марша снова резко упал, колонна десантников уперлась в хвост обоза 58-й армии. Здесь у Колпаченко с Дарбиняном уже не хватало крепких слов в адрес тех армейский чиновников, кто бодро рапортовал в Генштаб о высокой боевой готовности ее частей. На поверку оказалось – их рапорта не стоили гроша ломанного: за рулем многих машин вместо бумажных профессионалов-контрактников оказались реальные солдаты-срочники, имевшие за спиной лишь курс молодого бойца. Сама техника, простоявшая большую часть времени на колодках в ангарах, сыпалась на каждом километре. Задранные кверху капоты и торчащие из-под них засаленные задницы без вины виноватого водителя и техника-механика, материвших на чем свет стоит ремонтников, свидетельствовали только об одном – от некогда могучей Советской армии осталась лишь ее бледная тень.

Колпаченко старался не думать об этом и о том, что ждет его и его подчиненных впереди. В душе он молил только об одном: успеть прорваться к Цхинвалу и не дать закрепиться в нем противнику. Позади остался Рокский тоннель, и десантники, наконец, смогли увеличить темп марша. Отбиваясь от наскоков грузинских диверсионных групп, они глубокой ночью пробились к северной окраине югоосетинского села Джава. В нем разместился временный объединенный КП российских войск и югоосетинских ополченцев. Там Колпаченко встретил Борисова, командующего СКВО Макарова и президента Республики Южная Осетия Кокойты.

Их лица были сосредоточены, они пытались разобраться, где находится противник, какими силами и по каким направлениям атакует. К сожалению, отсутствие надежной связи не позволяло составить целостной картины. Информация, поступающая на КП от разведгрупп, носила отрывочный и противоречивый характер. Что касается Генштаба, то он был не помощник и оставался глух к запросам Борисова и Макарова. Главное оперативное управление Генштаба – мозг армии, вовлеченное в очередную кабинетную реформу, переезжало из одного здания в другое. Пресловутый план боевого применения Вооруженных Сил России затерялся в каком-то из сейфов. Воздушная разведка также не дала результатов. Самолет-разведчик, поднятый в воздух, был сбит ПВО Грузии, что стало полной неожиданностью для Генштаба. В Москве не предполагали, что на вооружении грузинской армии могут оказаться системы «Бук-М», а за пультами управления – дежурить опытные расчеты специалистов с Украины. Еще хуже, чем в воздухе, складывалась обстановка на земле: здесь царил полнейший хаос.

Колпаченко с сочувствием смотрел на Борисова. От недосыпания его глаза покраснели как у рака, лицо приобрело землистый цвет, а щеки покрывала густая щетина. Он, как в цирке, менял один сотовый телефон на другой, осип от крика, и уже кроме мата в адрес армейских чинуш, засевших в московских кабинетах и терзавших вопросами: как, где, почему? – у него ничего другого не осталось. Появление Колпаченко прибавило настроения Борисову. Послав куда подальше очередного верхогляда из Генштаба, он отключил все телефоны и перешел к делу – постановке боевой задачи 76-й дивизии.

Она была на грани возможного: с ходу, в условиях сложной горно-лесистой местности, когда о противнике почти ничего не известно, десанникам и батальону «Восток» предстояло двумя кинжальными ударами прорвать его боевые порядки и сомкнуть свои клещи

в десяти километрах южнее Цхинвала. В дальнейшем, после выхода на основной рубеж, необходимо было блокировать дорогу на город Гори и не допустить подхода свежих сил из глубины Грузии.

Исходя из этих задач, оперативное отделение штаба дивизии и Ямадаев на ходу приступили к разработке замысла операции, и, когда он был готов, Дарбинян вызвал на совещание начальников служб дивизии, командиров полков и батальонов. Колпаченко внимательным взглядом прошелся по их лицам, они были суровы и сосредоточены. Все хорошо понимали: времени на глубокую разведку не осталось, каждый потерянный час множил жертвы среди их боевых товарищей, отчаянно сражавшихся в Цхинвале, и потому были готовы немедленно вступить в бой. Дарбинян положил перед Колпаченко боевой приказ, и тот распорядился:

– Арутюн Ванцикович, доведи задачи до командиров!

Дарбинян зачитал приказ и положил в папку. Наступила тишина, взгляды офицеров снова обратились к Колпаченко. На его командирские плечи легла тяжкая ноша – распорядиться их жизнями. За последние двадцать лет ему приходилось делать это десятки раз. И сегодня в последние минуты, отделяющие жизнь от смерти, он старался найти такие слова, которые бы укрепили веру подчиненных в себя и заставили забыть о страхе.

– Товарищи офицеры! Ребята! Это не просто бой! Это бой за наших товарищей, – произнес Колпаченко, сделал паузу – в глазах подчиненных не было тени сомнений, и продолжил: – Они стоят насмерть в Цхинвале! Они верят – мы придем на помощь! Это не просто бой – это бой за наше будущее! Если мы сегодня дрогнем, то завтра подонки, начавшие эту подлую войну, принесут ее в наш дом! Жизнь у каждого одна, но мы выбрали профессию – Родину защищать! Поэтому с честью выполним свой долг перед товарищами, собственной совестью и Россией! Я верю в вас, товарищи офицеры!

Закончив свое эмоциональное выступление, Колпаченко прошелся взглядом по лицам подчиненных – на них читалась готовность без колебаний выполнить его приказ, задержал взгляд на командире разведроты капитане Шишове. Ему первому предстояло повести в атаку своих подчиненных, и, обращаясь к нему, Колпаченко скорее просил, чем приказывал:

– Денис, от тебя и твоих ребят многое зависит. Выбить негодяев с их позиций – это уже половина общего успеха. Вложите в удар все что есть! Все!

– Есть! – коротко ответил Шишов и заверил: – Мы прорвемся к Цхинвалу, товарищ генерал!

– Я очень на вас надеюсь. Очень, Денис, – повторил Колпаченко и, согрев его взглядом, снова обратился к Дарбиняну: – Арутюн Ванцикович, со второй группой прорыва определились?

Тот, помедлив, ответил:

– Есть два варианта: первая рота или батальон «Восток»!

– Командир, пойдем мы! – категорично отрезал Ямадаев и, грозно сверкнув глазами, заявил: – Там убивают наших братьев. Подлые шакалы должны ответить за все!

– Хорошо! – согласился Колпаченко и, заканчивая совещание, напомнил: – Товарищи командиры! Еще раз обращаю ваше внимание: никакой штурмовщины и никакого фанатизма! Все решения принимать на холодную голову. Патронов не жалеть, их хватит! Главное – берегите людей!

Теперь, когда все было сказано и отданы последние приказы, пришло время действовать. Первыми растворились в ночи бойцы Шишова и спецназовцы батальона «Восток». Вслед за ними на исходные рубежи двинулись полки. На КП дивизии воцарилось напряженное ожидание. Прошло двадцать минут и со стороны, куда ушла рота Шишова, донеслась перестрелка. Она закончилась так же быстро, как и началась. Его передовой дозор столк-

нулся с неизвестно как оказавшейся здесь разведротой 58-й армии. Очередная неразбериха в боевом управлении вывела Дарбиняна из себя.

– Александр Николаевич, опять «лебедь, рака и щука»?! – взорвался он.

– Не горячись, Арутюн Ванцикович! Слава Богу, обошлось без потерь, – остудил его Колпаченко, а в душе у самого все кипело от возмущения: «Когда же наверху разберутся?! Сколько можно наступать на одни и те же грабли?»

Прошло еще несколько невыносимо томительных минут, и снова с направления, где шла на прорыв рота Шишова, донеслась перестрелка. Она приобретала все более ожесточенный характер, его подчиненные все глубже вгрызались в оборону противника. Яростный бой завязался и там, где наступал батальон «Восток».

Дарбинян нервно теребил сотовый телефон и торопил Колпаченко:

– Александр Николаевич, пора вводить в бой основные силы! Пора!

– Нет, Арутюн Ванцикович, рано, ждем! Пусть противник обнаружит все свои огневые точки.

Накал боев на обоих направлениях стремительно нарастал. Багровые всполохи рвали и терзали ночную темноту. Между разрывами снарядов и мин была слышна все усиливающаяся пулеметная и автоматная стрельба. Колпаченко внимательно вслушивался в эту страшную, чудовищную какофонию войны, чтобы не пропустить тот, только ему одному известный, момент, когда на чаши весов жизни и смерти надо положить души своих подчиненных. Его взгляд был прикован к горам и отмечал артиллерийские и минометные позиции противника. Разведка боем дала свой результат. Он сбросил с плеча автомат, передернул затвор и коротко бросил:

– Все, Арутюн Ванцикович, пришла наша очередь! Я иду с первым полком, ты – со вторым!

– Есть! – ответил Дарбинян и принялся торопливо запихивать карту в полевую сумку.

– Бог войны, ты где? – окликнул Колпаченко начальника артиллерии дивизии.

– Здесь, товарищ генерал, – выступил тот из темноты.

– Успел нанести позиции артиллерийских и минометных батарей противника?

– Так точно, товарищ генерал!

– Тогда сверим время, – Колпаченко посветил фонарем на свои часы и объявил: – На моих 5.17! Ровно через 15 минут открыть огонь со всех стволов и подавить батареи противника.

– Есть! – ответил начальник артиллерии и засел за полевой телефон.

– Вот теперь все, Арутюн Ванцикович, пошли, – распорядился Колпаченко и, хватаясь за кусты, чтобы не упасть, заскользил по склону.

Дарбинян и порученец Колпаченко, старший прапорщик Смирнов, бросились вдогонку за генералом. Молодые, юркие они быстро обошли его. Колпаченко с трудом удерживал равновесие на покрытых росой и скользких как лед камнях, чертыхался, но угнаться за ними не мог и, не выдержав темпа, воскликнул:

– Ребята, сбавить обороты!

– Александр Николаевич, не успеем, всего 15 минут! – напомнил Дарбинян.

– Арутюн Ванцикович, не поднимай паники!

– Я, паники?! Как, товарищ генерал?! – опешил тот.

– А вот так, Арутюн! Бегущий полковник, я не говорю про генерала, ничего кроме паники внушить своим подчиненным не может, – добродушно заметил Колпаченко и, отдышавшись, прибавил шаг.

У развилки дорог их пути разошлись. Дарбинян поспешил во второй полк, а Колпаченко со Смирновым – в первый.

Они обогнули скалу, и их оглушила стрельба. Это разведчики Шишова штурмовали позиции противника. Смирнов выскочил вперед, чтобы собой закрыть генерала от шальных пуль. Тот одернул его за руку и рывкнул:

– Саня, ты, куда поперек батьки?!

– Так, это, Александр Николаевич, стреляют! Вдруг...

– Никаких вдруг! Прикрой мне тыл! – потребовал Колпаченко и выступил вперед.

Преодолев ручей, они выбрались на поляну. Рядом с ней в расщелине находился КП первого полка. Его командир полковник Геннадий Анашкин доложил о готовности к атаке и горел желанием поскорее начать ее. Колпаченко понимал его состояние – каждая секунда, минута уносила жизни разведчиков Шишова, и ждал, когда вступят в бой артиллеристы.

Стрелки на мгновение застыли на цифрах 5.32, и земля содрогнулась. Артиллерия дивизии открыла ответный огонь по позициям противника. После короткой, но мощной арт-подготовки в небо взвились две зеленые ракеты, и полки поднялись в атаку. Это было дерзкое и устрашающее по своей ярости и стремительности наступление десантников и бойцов батальона «Восток». Проломив первую линию обороны грузинских войск, они, не встречая серьезного сопротивления на своем пути, ринулись вперед. Противник обратился в паническое бегство.

Ранним утром передовые подразделения 76-й дивизии вышли к стратегически важной дороге: Цхинвал – Гори – Тбилиси. Перед глазами Колпаченко и его подчиненных предстала картина разгрома грузинской армии. По обочинам и на дороге до самого горизонта валялась брошенная военная техника: танки Т-72, БТР, грузовики, ящики с боеприпасами. О самих хваленных грузинских рейнджерах, о которых без усталости трубили тбилисские СМИ, напоминало разбросанное повсюду натовское военное обмундирование. Одно лишь появление русских десантников и бойцов батальона «Восток» вызвало в их рядах неопишущий ужас. Ища спасения, они срывали с себя форму и переодевались в «гражданку». Те, кому не удалось добыть штанов и рубашек, бежали в одних трусах.

Десятки трясущихся от страха горе-воjak, тех, кто не успел унести ноги, подчиненные капитана Шишова обнаружили в заброшенном свинарнике и передали для разбирательства контрразведчикам Первушина.

Теперь, когда кольцо окружения вокруг грузинских войск замкнулось, а подход резервных сил со стороны Гори был наглухо перекрыт, Борисов, Колпаченко, Первушин и Ямадаев снова собрались вместе, чтобы обсудить план дальнейших действий. Информация, поступившая к ним от передовых разведгрупп, выдвинувшихся в район Гори и военной базы 4-й пехотной бригады, говорила: паника, подобно чуме, охватила не только армейские части, а и полицию со спецслужбами. Все что могло ехать и катиться устремилось из Гори в Тбилиси.

Путь на столицу Грузии был открыт. Боевой азарт, охвативший Борисова, Колпаченко и Ямадаева, порождал соблазн одним стремительным марш-броском достичь Гори и дальше пробиваться к Тбилиси. На эти их предложения из Генштаба доносилось лишь невнятное мычание, там не могли поверить в столь быстрый и ошеломляющий успех. Заскорузлые мозги паркетных военачальников с трудом переваривали свалившуюся на них победу. Поэтому Борисову, Колпаченко и Ямадаеву ничего другого не оставалось, как воспользоваться паузой и дать передышку подчиненным. Измотанные не столько боями, сколько тремя бессонными ночами и изнурительным маршем из Моздока в Южную Осетию, они на ходу засыпали и валялись с ног. Колпаченко, выставив боевое охранение на высотах, распорядился: «Всем спать! Три часа!»

Прошло нескольких минут, и огромное кукурузное поле исчезло под колесами машин и телами четырех с лишним тысяч бойцов. Они сделали все, что было в их силах и даже больше: своей победой дали карт-бланш российским политикам поставить на место зарвавшийся, самонадеянный Запад. Этой победой они сказали всему миру: «Многострадальная,

брошенная в нищету и все-таки непобедимая Русская, Советская, Российская армия жива и способна дать отпор зарвавшемуся агрессору».

Сделав свое великое дело, они, офицеры и рядовые, спали крепким сном. Шаловливый ветерок беспечно гулял по дороге, разметал по кустам грозные приказы, инструкции, указания грузинских военачальников. Они уже не несли смерть, они стали просто клочком серой бумаги. Ветерок ласково играл буйными кудрями сладко посапывавших русских пареньков – вчерашних школьников, закручивал щеголеватый ус молоденького лейтенанта, одержавшего свою первую боевую победу, зарывался в густой, обильно посыпанный ранней сединой, ежик Дарбиняна и нежно щекал богатырскую грудь Колпаченко. Это была потрясающая по своей выразительности картина – картина, достойная гениальной кисти великого мастера Александра Верещагина.

Спал и Первушин – спал мертвецким сном. Попытка старшего оперуполномоченного майора Дроздова разбудить его ни к чему не привела. Он решил использовать последнее средство – и, склонившись к уху Первушина, прошептал: «Сорок пять секунд. Подъем!» Эти четыре магических слова произвели чудо. Первушина, как на пружинах, подбросило над землей. За пять лет учебы в Академии ФСБ эта команда навсегда вошла в его подсознание. Присев, он осоловело захлопал глазами, и когда они, наконец, открылись, то не поверил тому, что увидел. Рядом с Дроздовым стоял живой из плоти и крови заместитель руководителя Департамента военной контрразведки ФСБ России генерал-майор Юрий Шепелев. За его спиной стеной выстроились три «качка».

– Ну, ты и здоров спать, Александр Васильевич, так и победу проспишь! – пошутил Шепелев.

Первушин вскочил на ноги – его качнуло, поправил сползшую вниз кобуру с пистолетом и, смущаясь, произнес:

– Извините, товарищ генерал, три ночи на ногах.

– Ладно, ладно, я пошутил. Вижу, сам цел, а как оперсостав, потери есть?

– Никак нет. Все в строю, легкая контузия у капитана Белова, но он отказался следовать в тыл.

– Ну, слава Богу! А что по стервятникам, есть пленные с большими звездами на погонах?

– К сожалению, нет. Имеется десяток, но все рядовые и в оперативном плане не представляют интереса.

– Жаль, а было бы неплохо показать демократическому Западу, какой мир устанавливают на осетинской земле их мэйнд ин США президент, – с сарказмом произнес Шепелев и снова перешел на деловой тон: – Александр Васильевич, сколько у тебя под рукой оперативников?

– Двое, остальные в батальонах, – доложил Первушин.

– Маловато, – вслух каким-то своим мыслям обронил Шепелев и, подумав, предложил: – А что, если обратиться за помощью к командиру дивизии? Он, кстати, где?

– Здесь, рядом.

– Давай к нему.

Первушин шагнул вниз к небольшой площадке у ручья. За ним последовал Шепелев с «качками» – группой спецназа ФСБ. Спустившись, они подошли к палатке, в которой прикорнули Колпаченко с Дарбиняном. Вход к ним охранял часовой.

– Товарищ сержант, я заместитель руководителя Департамента военной контрразведки ФСБ России генерал-майор Шепелев, пропустите меня к командиру дивизии! – потребовал Шепелев.

– Извините, но он только что прилег, – ответил часовой и настороженно посмотрел на незнакомого генерала и его суровых спутников, увешанных оружием, которое даже для него, десантника, было в диковинку.

– Вот некстати, – посетовал Шепелев и снова обратился к Первушину: – Александр Васильевич, а что, связь с генералом Борисовым есть?

– Имеется, но только сотовая.

– Исключено, – отрезал Шепелев и уточнил: – А далеко он?

– По последней информации, должен находиться с третьим полком в районе южнее Цхинвала.

– Вот не везет! Все-таки придется будить командира!

– Это кто там по мою душу? – раздался из-за полога сиплый ото сна и команд голос Колпаченко.

– ФСБ России, генерал-майор Шепелев, – представился тот.

Прошла секунда-другая, полог распахнулся, и перед контрразведчиками предстали Колпаченко и Дарбинян. Шепелев, подав руку, обменялся с ними рукопожатием. Колпаченко снял с пояса фляжку с водой, плеснул себе в лицо, потряс головой, прогоняя остатки сна и, обращаясь к Шепелеву, спросил:

– Товарищ генерал, Вас как звать-величать?

– Юрий Дмитриевич, – назвал себя Шепелев.

– Я так понял, Юрий Дмитриевич, нужна помощь личным составом и техникой.

– Александр Николаевич, Вы как в воду смотрите, – подтвердил Шепелев и пояснил: – От наших разведчиков получена важная информация о центре радиоперехвата и дешифровки, который используется спецслужбами Грузии и НАТО. Он находится в Гори.

– Да, серьезное шпионское гнездо, – согласился Колпаченко.

– В состав центра, по оперативным данным, входят специалисты АНБ США.

– И вы рассчитываете взять их в плен?

– Совершенно верно.

– Хорошее дело задумали, чтобы потом ткнуть ими в морду Западу! – одобрил Колпаченко, и здесь на его лицо набежала тень.

Это не осталось незамеченным Шепелевым, и в его голосе зазвучали беспокойные нотки:

– Александр Николаевич, я понимаю Вас, люди измотаны. Да, есть серьезный риск в операции, придется действовать в глубоком тылу противника. Но война всегда риск.

– Юрий Дмитриевич, десантник всю жизнь рискует, дело не в риске, – замылся Колпаченко.

– А в чем?

– Я и так вышел за предписанный рубеж. Теперь вот жду, чем разродится Генштаб.

– Александр Николаевич, а если проявить военную хитрость? – зашел с другой стороны Шепелев.

– Хитрость, и какую же?

– Можно карту?

– Арутюн Ванцикович, карту! – потребовал Колпаченко.

Дарбинян достал ее из полевой сумки и развернул на камне. Шепелев склонился над ней и, сориентировавшись, ткнул в место предполагаемого расположения центра. Он находился в пригородах Гори, до него было не более 17 километров. Но не расстояние смущало Колпаченко, а другое: появление российских десантников в глубине территории Грузии на Западе могло вызвать только одно – истеричные вопли вселенского масштаба. Такое ему вряд ли бы простили министр Сердюков и начальник Генштаба Макаров. Понимал это и Шепелев, но результат – захват секретной документации и уникальной аппаратуры грузин-

ских и натовских спецслужб – мог перевесить все риски. Он искал выход из положения и, кажется, нашел.

– Александр Николаевич, ведь наши БТР не отличаются от грузинских, не так ли? – забросил удочку Шепелев.

– Отличие только во внутренней начинке: у них – израильская и украинская, – пояснил Колпаченко.

– А что, если перекрасить наши звезды на их кресты и потом...

– Взять грузинскую форму! Этого барахла тут навалом, – на лету поймал остроумную идею Колпаченко и, озорно подмигнув, заявил: – И потом Запад пусть докажет, что то были не патриоты Грузии, восставшие против тирана Саакашвили!

– А если к этому маскараду добавить пару усачей с подходящими носами, да еще говорящих по-грузински, то тогда комар носа не подточит!

– С усами и носами тоже решим. А вот с языком – тут, Юрий Дмитриевич, проблема. У нас он один – десантный! – с улыбкой заметил Колпаченко и распорядился: – Арутюн Ванцикович, даю тебе час на подготовку! Ребят выделить лучших, ты понял?

– Так точно, Александр Николаевич! Взвод из роты капитана Шишова с этой задачей справится, – заверил Дарбинян и, хмыкнув, заметил: – С носами и усами у него также все в порядке.

– Хорошо! – согласился Колпаченко и распорядился: – Принимай пополнение, Юрий Дмитриевич!

– Спасибо, Александр Николаевич! Контрразведка Вам этого никогда не забудет, – прочувственно сказал Шепелев.

Колпаченко улыбнулся и, подмигнув, заметил:

– Благодарю, Юрий Дмитриевич, но будет лучше, если она мне ничего не припомнит.

В ответ прозвучал дружный смех. Через час оперативно-боевая группа из тридцати десантников и семи контрразведчиков в форме грузинских военнослужащих на трех БТР, на бортах которых выделялись аляповато нарисованные белые кресты, ринулась к цели – центру радиоперехвата и дешифровки грузинских и натовских спецслужб. На пути до Гори ей не встретился не один комендантский патруль противника, зато на каждом шагу попадались испуганные, переодетые в «гражданку» с чужого плеча, дезертиры.

Впереди показались окраины города. Шепелев приказал остановиться и позвонил. После короткого разговора он выбрался из БТР и в сопровождении Первушина и спецназовцев ФСБ зашел в придорожное кафе. В нем никого не было – паника обратила в бегство не только военных, а и хозяев. Заняв столики, контрразведчики стали ждать загадочного собеседника Шепелева. Он был не один, их оказалось двое, и появились они внезапно – со служебного входа. Низко надвинутые кепки и темные очки скрывали их лица. Обменявшись с Шепелевым паролями, разведчики вместе с ним уединились в подсобном помещении. Беседа заняла не больше пяти минут. Возвратившись в зал, Шепелев, не мешкая, провел совещание; на нем был выработан план операции, после чего, смешанная оперативно-боевая группа продолжила движение.

В одном броске она достигла цели – центра радиоперехвата и дешифровки информации и с ходу пошла на штурм. Головной БТР на скорости снес въездные ворота и вкатился во двор. Вслед за ним влетели два других, из них на ходу выскакивали десантники, контрразведчики и занимали позиции. Прошло несколько томительных минут, а противник себя никак не обнаружил. Шепелев пробежался взглядом по окнам верхних этажей и крыше серого безликого здания, ошетилившегося антеннами, и не заметил снайперов. Не заметили их и Первушин с Шишовым.

– Драпанули, гады! – сделал вывод Шишов.

– Похоже, что так, – согласился Шепелев.

– Разрешите проверить, Юрий Дмитриевич, – вызвался Первушин.

– погоди, Саша! – придержал его Шепелев и, обратившись к Шишову, распорядился: – Денис, дай команду пулеметчикам, пусть пройдутся по верхним этажам и чердаку.

– Есть! – принял к исполнению тот, связался по рации с расчетами и приказал: – Леня! Вова! Очередь по чердаку и окнам верхнего этажа! Огонь!

Прошла секунда-другая, и гулкие звуки выстрелов заглушили остальные звуки. Стены, окна, крыша брызнули бетонной и стеклянной крошкой. Пулеметы стихли, а противник никак не отреагировал.

– Сбежали, товарищ генерал! – без тени сомнений заявил Шишов.

– Береженого бог бережет, Денис! Поэтому не терять бдительности! Действовать с подстраховкой и без партизанщины! – предупредил Шепелев и, передернув затвор автомата, приказал: – Вперед!

Первыми поднялись десантники и блокировали здание снаружи. Вслед за ними двинулись Шепелев, бойцы спецназа, Первушин и его сотрудники. В одном броске они преодолели свободное пространство и ворвались в здание. Гулкое эхо их шагов пошло гулять по пустым коридорам и кабинетам. Повсюду виднелись следы поспешного бегства: военная форма, оружие, опрокинутые стулья. Во внутреннем дворе полыхал костер, в его огне догорали секретные документы. В операционном зале трещала и пищала поврежденная аппаратура.

По горячим следам контрразведчикам не удавалось захватить пленных, но еще оставалась надежда, что сохранились магнитные носители информации и электронный архив центра. Времени на их поиск было предостаточно – части 76-й воздушно-десантной дивизии уже находились на подступах к Гори. 11 августа они вошли в замерший от ужаса город. Его власти в панике бежали в Тбилиси. В опустевшем кабинете губернатора все еще трезвонили телефоны.

Генерал Колпаченко не стал поднимать трубку, взял со стола фломастер и на парадном портрете президента Саакашвили написал: «Цхинвал – 10.08.2008 г., Гори – 11.08.2008 г., Тбилиси – встали в 40 км. Гв. Г-л/м-р А. Н. Колпаченко».

На следующие сутки оперативная группа Генштаба, прибывшая в Моздок, приступила к развертыванию временного оперативного центра боевого управления войсками. Но к тому времени воевать было уже не с кем. Грузинская армия, натасканная всем западным «демократическим миром», разбежалась по окрестным лесам и исчезла, как чудовищный сюрреалистический мираж. Мираж, рожденный в воспаленном сознании западных ястребов, в очередной раз вознамерившихся отбросить Россию за геостратегическую черту оседлости, не стал жестокой действительностью.

Глава третья

Лубянка. Новое назначение

*Москва, Лубянка,
кабинет заместителя руководителя департамента военной
контрразведки ФСБ России
генерала Николая Валентиновича Кубанского,
08.08.2010*

Москва плавилась и задыхалась от небывалой для августа жары. В центре города, на Лубянке, она была невыносима. Натужено гудящий кондиционер не приносил облегчения заместителю руководителя департамента военной контрразведки ФСБ России генерал-майору Николаю Кубанскому. Смахнув со лба обильно выступивший пот, он отложил в сторону обобщенную справку на кандидата для назначения на должность заместителя начальника Управления «Н» полковника Александра Первушина, снял очки и долгим внимательным взглядом посмотрел на полковника Сергея Петровского. Тот прокашлялся и спросил:

– Николай Валентинович, в справке что-то не так?

– К сожалению, Сергей Иванович, не совсем то, что должно быть отражено для кандидата на столь высокую должность, – не мог скрыть досады Кубанский и поинтересовался: – Ты сколько работаешь в кадрах?

– Скоро будет год, товарищ генерал.

– Немалый срок, уже обязан знать все тонкости этой работы, и такие документы должны отскакивать у тебя как от зубов.

– Я разве что-то упустил? – недоумевал Петровский.

– Да, один важный момент.

– Вроде не должен. Перед тем как писать, я прочитал дело Первушина от корки до корки, навел справки по местам его прежней службы и, кажется, все отразил!

– И что ты отразил?

– Ну, как обычно.

– Вот-вот, как обычно, а в итоге получился штамп! За твоей справкой человека не видно! Так нельзя, Сергей Иванович!

Петровский, поерзав по стулу, набрался решимости и возразил:

– Товарищ генерал, я с Вами не согласен!

– Убеди, если не согласен! – предложил Кубанский и, подавшись вперед, с интересом ждал, что ответит Петровский.

Тот открыл папку и, обращаясь ко второму экземпляру справки на Первушина, решительно заявил:

– Николай Валентинович, я считаю, что в справке отражено все! Первушина с Ивановым не перепутаешь.

– Еще раз говорю, убеди!

– Хорошо, судите сами! Первушин служил срочную в погранвойсках, а это хорошая армейская закалка. Без «костылей» и ходоков поступил и с красным дипломом окончил нашу академию. На оперативной работе проявил себя способным агентуристом, имел в своем производстве сложные дела, в том числе и по шпионажу. Принимал участие в боевых действиях в Южной Осетии и показал себя с лучшей стороны. Имеет достаточный опыт руководящей работы. С оперсоставом находит общий язык, обладает разносторонними способностями: хорошо рисует, отличный волейболист, усилит команду...

– Сережа, не хитри и не дави на мое слабое место! – остановил его Кубанский – в прошлом заядлый волейболист – и потребовал: – Говори по существу!

– Николай Валентинович, так я сказал это без задней мысли, – смутился Петровский.

– Ладно, что еще?

– А чуть не упустил, Первушин занимал восьмое место по шахматам среди юношей на первенстве еще СССР. Умный, ну, что еще надо? Где тут штамп?

Кубанский ничего не ответил, поднялся из кресла, прошелся по кабинету. Петровский сопровождал его взглядом и с нетерпением ждал ответа.

– Шахматист?.. Восьмое место?.. – вслух каким-то своим мыслям произнес Кубанский.

– Так точно, Николай Валентинович, в деле имеется справка, – подтвердил Петровский.

– Шахматы, оно, конечно, хорошо. Но оперативная работа в качестве руководителя такого ранга, как заместитель начальника управления, да еще какого, которое защищает военную науку, – это, Сергей Иванович, не деревянные фигурки по доске двигать. Работа с людьми – самое сложное в нашей деятельности.

– Товарищ генерал, так я же это отразил? – Петровский снова обратился к справке и зачитал: – Вот, пожалуйста, коммуникабелен, быстро находит общий язык с людьми...

– Стоп, Сережа! Я не слепой, читал. Ты извини, но общий язык находят и за стаканом. Руководитель должен не язык искать, болтунов и так хватает, а организовывать результативную работу подчиненных.

– Так я это и имел в виду! Первушин способен мобилизовать подчиненных на решение задач, сплотить вокруг себя коллектив.

Кубанский поморщился и отрезал:

– Слушай, Сергей, оставь эти лозунги кому-нибудь другому! Первушин и Сахнов – они что, святые?

Петровский озадачено посмотрел на него и, пожав плечами, ответил:

– Нет, нормальные люди.

– Так если они, как ты утверждаешь, нормальные, то почему у тебя получился некролог?

– Ну, почему так сразу некролог?

– А потому. Я не нашел в справке ни одного недостатка. Если судить по ней, то Первушин и Сахнов – святые.

– Нет, конечно, не святые, есть у них отдельные недостатки, но они не носят принципиального характера.

– Говоришь, не носят принципиального характера? Тогда почему некоторых, как ты говоришь, нормальных нам приходится снимать с должностей, а кое-кого выгонять на гражданку?

– Ошибки при подборе.

– Ошибки? Они слишком дорого обходятся государству. Только вчера одного мерзавца уволили. Успел дослужиться до подполковника. Как же так получается, Сергей Иванович?

– Выходит, где-то просмотрели, Николай Валентинович.

– Просмотрели, и в первую очередь мы! Кадровик в военной контрразведке – это не канцелярская мышь или скоросшиватель для аттестаций и представлений! На нашем уровне главная задача состоит в том, чтобы находить талантливых, преданных делу, а не своему кошельку сотрудников, растить из них руководителей и продвигать по службе. Запомни, Сергей, серые кадры – серая система! В военной контрразведке такого допускать нельзя! Она, если можно так выразиться, иммунная система армии! А что такое армия в России, я думаю, тебе объяснять не надо?

– Знаю, Николай Валентинович! Она больше, чем армия. Точнее, чем император Александр III о ней не скажешь: «Во всем свете у нас только два верных союзника – наша армия и флот».

– Все так, Сергей Иванович, не менее важна и вторая ее часть: «Все остальные при первой возможности сами ополчатся против нас», – напомнил Кубанский вторую часть знаменитой фразы и подчеркнул: – Сегодняшняя действительность лишнее тому подтверждение. Поэтому преданные Отечеству и высокопрофессиональные кадры контрразведчиков необходимы как никогда ранее.

– Николай Валентинович, я уверен с Первушиным и Сахновым ошибки не произойдет. Они достойные офицеры! – заверил Петровский.

– Хорошо, Сергей, тогда еще один вопрос: скажи, Сахнов – романтик или расчетливый прагматик?

– В каком смысле, Николай Валентинович? – опешил Петровский.

– В том, что «кремлевский курсант», начальник штаба дивизиона обеспечения академии Генштаба – ему прямая дорога в генералы, а тут такой резкий поворот, перешел к нам на капитанскую должность. Что за этим стоит: нежелание ехать из Москвы к черту на кулички?

– Исключено! Сахнов дважды побывал в горячих точках! Первый раз, когда служил в армии, а второй – у нас, и еще остался на продленку.

– И все-таки что подвигло его на такой переход?

– Я так думаю, мечта. Он бредил Павлом Судоплатовым.

– Ладно, мечтатель, приглашай обоих. Поговорим, как говорится, лицом к лицу! – распорядился Кубанский.

Петровский вышел из кабинета и возвратился с Первушиным и Сахновым. Они представились Кубанскому и замерли в тревожном ожидании. Его строгость и требовательность, прямые и жесткие вопросы, которые вгоняли в краску и в пот кандидатов на вышестоящие должности, были им известны. Осмотрев их с головы до пят, Кубанский задержал взгляд на Первушине – его лицо показалось знакомым, и спросил:

– Товарищ полковник, мы с вами где-то встречались?

– Так точно, товарищ генерал-майор. В декабре прошлого года в спорткомплексе на Лавочкина.

– На финале по волейболу! – оживился Кубанский.

– Да, мы тогда выиграли 3:2 у вашей команды, – подтвердил Первушин.

– Вот так взяли и обыграли руководство? Это было опрометчиво, Александр Васильевич, – сурово заметил Кубанский, а в уголках его глаз лучились лукавые морщинки.

Первушин не растерялся и быстро нашелся:

– Товарищ генерал, так это же тот случай, когда не наказывают.

Кубанский улыбнулся, и обратил взгляд на Сахнова – тот подтянулся, и прямо в лоб спросил:

– Сергей Степанович, ты не жалеешь, что ушел из академии?

Сахнов выдержал его испытующий взгляд и также прямо ответил:

– Никак нет, товарищ генерал!

– В армии, при хорошем раскладе, ты бы мог уже командовать бригадой. Чего тебе там не хватало?

– Творчества, товарищ генерал! В контрразведке жизнь каждый день подбрасывает нестандартные ситуации, и они требуют нестандартных решений! – с жаром заговорил Сахнов. – Вот, например, вчера...

– Сергей Степанович, с примерами пока погоди, дойдем и до них... – остановил его Кубанский. – Сначала обсудим вопросы, относящиеся к организаторской деятельности руководителя. А руководить вам предстоит особым коллективом с особыми задачами. Оттого как

будет развиваться военная наука, зависит не только уровень боеспособности армии, но и в целом мощь нашего государства.

– Товарищ генерал, я это понимаю. Во время службы в дивизионе обеспечения академии Генштаба мне приходилось соприкасаться с научными вопросами, – пояснил Сахнов.

– Соприкасаться – это одно, и совсем другое дело – принимать участие в их решении, – подчеркнул Кубанский и предложил: – Присаживайтесь, товарищи офицеры, об этом мы сейчас и побеседуем!

Первушин и Сахнов заняли места рядом с Петровским и приготовились к тому, что генерал начнет опрашивать их по функциональным обязанностям и задачам. Он же не стал заострять на этом внимания, а старался вникнуть в стиль и методы их работы, интересовался тем, как они строят свою работу с молодыми перспективными сотрудниками. Не обошел стороной и такой важной темы, как взаимодействие контрразведчиков с командованием армейских частей, а затем спросил Сахнова:

– Сергей Степанович, на чем в первую очередь должны строиться наши отношения с командованием?

– На принципиальной деловой основе, – не задумываясь, ответил тот.

– Да, это необходимое, но недостаточное условие.

– Воспринимать задачи и проблемы командования как свои.

– Именно как свои! Мы не надсмотрщики над командирами, а соратники. Как говорить, без разведки армия слепа, а без контрразведки беззащитна. Наша святая обязанность – оберегать ее от предательства, от шпионов и от всего того, что разъедает армию и превращает в сброд.

– Безусловно! Я по-другому и не мыслю! – заверил Сахнов.

– И это правильно! – одобрил Кубанский и, заканчивая беседу, прошел к книжному шкафу, снял с полки два документальных сборника «Смерш», вручил Первушину с Сахновым и пояснил: – В них вы не найдете лихо закрученных детективных сюжетов, но это нисколько не умаляет их достоинств. Это – книга захватывающих человеческих судеб, посвятивших себя служению Отечеству.

– Товарищ генерал, мы оправдаем возложенное на нас доверие! – заверили Первушин и Сахнов.

Крепко пожав им руки, Кубанский на прощание предупредил:

– Оба вы молоды, а должности у вас будут высокие, поэтому не заноситесь и не барствуйте. Помните, своими успехами руководитель во многом обязан подчиненным. Ведите их к высоким целям, – и здесь в его голосе зазвучали непривычно мягкие нотки: – Не за горами тот день, когда я и Сергей Иванович уйдем со службы. На наши места придут новые люди, может, даже кто-то из вас. Это неважно, важно другое – сберечь тот дух служения Отечеству, которому были верны сотрудники Смерш. Желаю успеха, товарищи офицеры!

– Спасибо, товарищ генерал, – поблагодарили они.

В приемную Первушин и Сахнов вышли в приподнятом настроении. Не скрывал своего удовлетворения и Петровский. Кандидаты, которых он отстаивал перед Кубанским, не подкачали.

– Все нормально, ребята! Хорошо отстрелялись! – похвалил он и напомнил: – Осталось еще собеседование у генерала Шепелева.

Затем посмотрел на часы и предупредил:

– Он будет в четыре, а пока сходите в столовую, пообедайте, отдохните и соберитесь с мыслями. Помните, у генерала любимый конек – оперативные игры с противником.

– Спасибо, Сергей Иванович, – поблагодарил Первушин.

А Сахнов, помявшись, спросил:

– Сергей Иванович, а просьбу можно?

– Пожалуйста.

– Быть рядом с архивом и не посмотреть дело на Павла Судоплатова, я себе такого не прощу.

– Что, мечта не дает покоя? – спросил Петровский и пообещал: – Постараюсь что-нибудь сделать.

– И что, это возможно? – не мог поверить в удачу Сахнов.

– Сергей Степанович, не торопи события, давай дуй на обед! – поторопил его Петровский.

Сахнов присоединился к Первушину. Они спустились вниз, на третий этаж, в столовую. Аппетитный запах наваристого борща заставил их на время забыть о собеседовании у генерала Шепелева. Подошло время обеда, и к раздаче выстроилась длинная очередь. Она двигалась на удивление быстро, и вскоре они оказались у меню. Цены вызвали у них неподдельное изумление.

– Саша, я не верю своим глазам? – воскликнул Сахнов.

– Фантастика! – согласился с ним Первушин.

– Таких цен в Москве не увидишь!

– А все потому, что не воруют.

– Не хватало еще у нас.

– Лишний раз убеждаюсь: экономика должна быть экономной, а контрразведка – военной, – отметил Первушин.

– Рано или поздно она такой будет! – не терял оптимизма Сахнов и с аппетитом набросился на борщ.

После обеда они собрались в кабинете Петровского. Тот слов на ветер не бросал и предложил пройти в архив. Спустившись на лифте на цокольный этаж, они направились в читальный зал. Там их встретил сотрудник архива и предложил для ознакомления два пожелтевших от времени тома. У Сахнова загорелись глаза, сбылась давняя мечта – прикоснуться к истории и к документам, написанным его кумиром – руководителем легендарного 4-го управления НКВД- НКГБ Павлом Судоплатовым. Дрогнувшей рукой он открыл обложку дела, и на него с пожелтевших страниц повеяло обжигающим дыханием первых трагических дней 1941 года.

На глаза Сахнова попал список репрессированных сотрудников, написанный Судоплатовым и датированный 25 июля 1941 года. Не побоявшись обвинений в связях с врагами народа, Павел Анатольевич ходатайствовал перед грозным наркомом НКВД Лаврентием Берией об освобождении из лагерей и тюрем тех сотрудников, кто еще остался жив. В тяжкий час испытаний для страны майор Судоплатов, только-только назначенный на должность, пекся не о себе. Он боролся не просто за друзей, а за профессионалов. Беспощадное военное время востребовало не холуистствующих карьеристов и подхалимов, а тех, кто делом доказал свою способность бороться и побеждать самого сильного врага.

– Неужели тот самый «список Судоплатова»?! Так это не вымысел! – не мог поверить своим глазам Сахнов.

Он и Первушин с жадным интересом вчитывались в этот и другие документы, подготовленные Судоплатовым. В них сухим служебным языком бесстрастно излагалась история подвигов и трагедий Павла Анатольевича и его подчиненных. Сахнов и Первушин, забыв обо всем, с головой окунулись в то захватывающе интересное время. Их, познавших на собственном опыте работу в спецслужбе, поразили результаты деятельности управления.

В обзорной справке «О деятельности 4-го Управления за период Великой Отечественной войны», подготовленной Павлом Анатольевичем, было всего четыре страницы – но какие страницы!

«...4-е управление МГБ СССР, – писал он, – было создано в ходе войны в 1941 году и работало до мая 1945 года.

Для активной диверсионной и агентурно-оперативной деятельности в тылу противника были организованы 244 РДР (разведывательно-диверсионные резидентуры, действовавшие за линией фронта) численностью 16 650 человек. За время войны:

- пущено под откос эшелонов – 1511;
- уничтожено самолетов противника в воздухе и на земле – 81;
- уничтожено танков – 2394;
- убито, ранено и взято в плен немецких солдат и офицеров – 147 030;
- ликвидированы 62 видных представителя немецких оккупационных властей;
- выявлены 139 490 немецких агентов, предателей и пособников...

За время боевой деятельности оперативные группы потеряли убитыми 395 человек».

Из 28 сотрудников НКВД-НКГБ, удостоенных звания Героя Советского Союза, 23 являлись подчиненными Павла Судоплатова. Восьми сотрудникам это звание было присвоено посмертно.

Первушину и Сахнову эти цифры говорили только об одном: для профессионалов, объединенных великой целью и верных боевому братству, невыполнимых задач нет. Они снова и снова возвращались к докладным и рапортам командиров разведывательно-диверсионных резидентур Медведева, Карасева, Ваупшасова, с трепетом касались отчетов легендарного разведчика-боевика Николая Кузнецова, когда к ним присоединился Петровский и поторопил на выход. На лифте они поднялись на седьмой этаж и остановились в приемной. Дубовые панели на стенах, массивные напольные часы, бронзовая люстра под высоким потолком возвратили Первушина и Сахнова в середину двадцатого века.

– Здесь почти все сохранилось, как было при генерале Селивановском – заместителе начальника Смерш, – пояснил Петровский и вошел в кабинет Шепелева.

Военная косточка – педант и аккуратист, заместитель руководителя департамента военной контрразведки ФСБ России генерал-майор Юрий Шепелев не терпел в подчиненных расхлябанности и поверхностности. Об этом Сахнов с Петрушиным были предупреждены и с волнением поглядывали на дверь кабинета. Она открылась, показался Петровский и пригласил:

– Заходите, товарищи офицеры!

Они прошли через широкий тамбур и оказались в просторном кабинете, который скорее напоминал музей. Всю левую стену занимали, чудом сохранившиеся после многочисленных реорганизаций военной контрразведки, реликвии прошлого. Черно-белые, потемневшие от времени, фотографии сотрудников Смерш, предметы шпионской экипировки, копии совершенно секретных документов, рассказывавших о разоблаченных изменниках, террористах и диверсантах.

Представившись, Первушин и Сахнов остановились у порога. Навстречу им из-за стола поднялся коренастый, крепко сбитый генерал. Несмотря на 55 лет, Шепелев лучился энергией и задором. Поздоровавшись с Сахновым, он подал руку Первушину – его строгое лицо смягчилось, и он добродушно заметил:

– Александр Васильевич, растешь как гриб после дождя. Два год назад был заместителем начальника отдела по дивизии, а теперь без пяти минут заместитель начальника ведущего управления.

Первушин смутился и не знал, что сказать.

– Не тушуйся, Александр Васильевич, не тот случай. Молодец, хорошо поработал в Южной Осетии! Сколько ты там пробыл?

– Три недели, после того как Ваша группа убыла в Абхазию, – ответил Петрушин.

– Да, горячие были денечки. В Абхазии, слава Богу, обошлось без большой крови. Драпали эти хваленые грузинские рейнджеры так, что пятки сверкали. В Зугдиди бросили все документы, даже дела на агентуру. Ну, да ладно об этом, – закончил с воспоминаниями Шепелев и, махнув рукой на стол заседаний, пригласил: – Присаживайтесь!

Сахнов и Первушин, заняли места и приготовились отвечать на вопросы Шепелева. Тот не спешил и обратился к Петровскому:

– Сергей Иванович, что, сильно досталось нашим будущим генералам у Николая Валентиновича?

– Как видите, живы, Юрий Дмитриевич, – ответил тот.

– Да-а, выглядят вызывающе живо, – сурово заметил Шепелев.

Первушин с Сахновым напряглись. Это от него не укрылось, и он добродушно заметил:

– Ладно, экзаменовать не буду. И без меня у вас был хороший экзаменатор – война. Поговорим о вашем новом участке работы. А он – наисложнейший: самые современные научные разработки, уникальные изобретения – то, что определит будущий облик армии, и способы ведения войны. А она будет не такой, как в Южной Осетии. Надеюсь, у вас в этом нет сомнений?

– Да, – дружно ответили Сахнов с Первушиным.

– Хорошо, что есть понимание, – и здесь в голосе Шепелева зазвучали тревожные ноты: – В Осетии и Абхазии наши противники, явные и тайные, получили по носу. Но это не значит, что нам надо успокаиваться. Необходимо уже сегодня готовиться к их новым и еще более коварным выпадам. Сейчас в армии начаты болезненные, но необходимые реформы. Август-2008 показал, и ты, Александр Васильевич, убедился: со старым багажом нашей армии идти в XXI век – заведомо оказаться в проигравших.

Первушин кивнул головой и с горечью признал:

– Боевое управления и связь – одно название. А техническое оснащение? Когда мы заняли базу 4-й пехотной бригады, то увидели наши танки Т-72, а они оборудованы такой электроникой, что оставалось только мечтать.

– Если бы только одно это. В армии и на флоте накопилась масса других проблем. Архаичная, забюрократизированная организационная структура. Куча всяких вспомогательных подразделений, которые, подобно гилям, висят на боевых частях. Армия – больше миллионы, а как воевать, так можно по пальцам пересчитать.

– Да, если бы не дух наших солдат и офицеров, а на месте грузин оказался бы кто подуховитее, то неизвестно насколько затянулась бы война.

– Александр Васильевич, давай не будем гадать: дело сделано, и надо смотреть вперед. Задачи стоят наиважнейшие. Вот ты, Сергей Степанович, как их представляешь?

– Контрразведывательная защита приоритетных секретов, выявление разведывательных устремлений к ним иностранных спецслужб, пресечение их шпионской деятельности, а также борьба с коррупцией, – доложил Сахнов.

– Александр Васильевич, у тебя есть что добавить? – обратился Шепелев к Первушину.

– Я так полагаю, содействие продвижению передовых разработок в войска и на внешний рынок, – дополнил тот.

– Правильно полагаешь. Но прежде чем что-то двигать, надо хорошо разобраться в том, чем предстоит заниматься. Сделать это будет непросто. Идет процесс слияния вузов и исследовательских центров.

– Товарищ генерал, говорят, что останется не больше двух десятков? Это же...

– Александр Васильевич, говорят, что кур доят! Руководители твоего уровня должны оперировать фактами и не поддаваться эмоциям! – оборвал его Шепелев и заговорил в приказном тоне: – Прекратить всякое нытье! Вы должны понимать, что идет борьба ведомств и руководителей, порой далекая от государственных интересов. Одни преследуют личный

интерес, другие – цепляются за старый научный багаж и не дают дорогу молодым. Ваша задача не допустить, чтобы в процессе слияния не слили то, что необходимо нашей обороне. Ясно?

– Да! – подтвердили Первушин и Сахнов.

– И последнее, товарищи офицеры! – ваши решения и предложения по проблемным вопросам, которые будете направлять в департамент должны быть самым тщательным образом выверены. Поэтому, если необходимо, встречайтесь лично с руководителями НИИ, КБ, учеными. Руководству ФСБ, в Генштаб и министру обороны мы обязаны представлять абсолютно достоверную информацию. Понятно?

– Так точно! – в один голос подтвердили Сахнов с Первушиным.

– Надеюсь, вы справитесь с этим сложным участком. А пока нет приказа директора, возвращайтесь на места и, не снижая темпов, продолжайте работу! – распорядился Шепелев.

– Есть! – ответили офицеры, вышли в приемную и, наконец, смогли вздохнуть свободно. Теперь им оставалось запастись терпением и ждать решения директора ФСБ.

22 августа состоялся его приказ. Сдав дела на прежних местах службы своим сменщикам, Сахнов и Первушин прибыли в распоряжение начальника Управления «Н» генерал-майора Александра Рудакова. Управление и сам генерал пользовались в департаменте непрекаемым авторитетом. В его послужном списке числились десятки контрразведывательных операций и разоблаченные агенты таких матерых разведок, как ЦРУ и БНД. За последние девять лет он дважды награждался орденами, а в 2010 году был удостоен высшего профессионального отличия – стал Почетным сотрудником контрразведки.

Немногословный, сдержанный в движениях, со строгим лицом, в котором угадывались восточные черты, Рудаков в свои 56 лет сохранял спортивную фигуру и поразительную живость в движениях и мыслях. После короткого знакомства с Первушиным и Сахновым он сразу перешел к делу: коротко обрисовал оперативную обстановку в институтах и НИИ, определил приоритетные задачи и в заключение рекомендовал самым внимательным образом разораться в сильных и слабых сторонах подчиненных, чтобы умело использовать их в организации работы.

После представления личному составу управления Сахнов убыл в отпуск, а Первушин приступил к работе. Сфера деятельности управления оказалась настолько обширной и специфичной, что ему приходилось приезжать на службу за несколько часов до начала рабочего дня, чтобы в спокойной обстановке вникнуть в дела.

Утро 27 августа не предвещало неожиданностей. В холле, как обычно, Первушин принял доклад от дежурного по управлению, поднялся к себе в кабинет, отключил сигнализацию, открыл сейф, достал документы и положил на стол. Повесив китель на спинку стула, он расположился в кресле, придвинул к себе последние ориентировки из департамента, но к их рассмотрению так и не приступил, в дверь постучали.

– Войдите! – разрешил Первушин.

В кабинет вошел начальник второго отделения капитан второго ранга Охотников. Бывший моряк-подводник и на суше сохранял ту особую щеголеватость, которая всегда отличала эту элиту флота. Наглаженные стрелки брюк, казалось, резали воздух, надраенные медные пуговицы кителя горели жаром, на гладко выбритом суховатом лице выделялись щегольские усики. Они воинственно топорщились, а в карих глазах вспыхивали тревожные огоньки.

– Александр Васильевич, извините, что беспокою, но ситуация какая-то непонятная, – маялся на пороге Охотников.

– Непонятная, будем разбираться. Проходи, садись, – предложил Первушин.

Охотников на ходу раскрыл папку, достал из нее фотографию человека в форме полковника, а потом один за другим четыре документа и принялся раскладывать перед Первушиным. Тот с любопытством наблюдал за этим действиями и, не выдержав, распорядился:

- Андрей Михайлович, присядь и объясни, что это за пасьянс?
- Охотников занял место за приставным столиком и пояснил:
- Перед Вами, Александр Васильевич, один из ведущих научных работников 53-го НИИ полковник, доктор технических наук, профессор Валентин Борисович Чаплыгин.
- И что?
- Прошло два дня, как он отсутствует на службе. Дома и на даче тоже нет. Последний раз его видели в понедельник.
- Ну, мало ли что, всякое случается. Может, где загулял, – предположил Петрушин.
- На него не похоже. Чаплыгин – человек серьезный, и возраст уже не тот.
- Сколько ему?
- Скоро исполнится шестьдесят четыре.
- Да, в таком возрасте внимание женщины больше пугает, чем радует? – согласился Первушин и распорядился: – Подключай к его поиску милицию, это их компетенция.
- Руководство института уже связалось с УВД.
- Тогда окажи необходимую оперативную помощь.
- Я так думаю, одного этого будет недостаточно.
- Почему?
- Чаплыгин – ведущий разработчик программы «Ареал». А она проходит по перечню особо охраняемых секретов.
- Д-а? Так это меняет существо дела! Каким именно направлением он занимался?
- Проектирование под программу «Стелс».
- Андрей Михайлович, я пока в полной мере темой не владею, поэтому давай подробнее, – предложил Первушин.
- Программа обнаружения летательных аппаратов, изготовленных по программе «Стелс», – пояснил Охотников.
- На какой стадии находятся работы?
- Летно-конструкторских испытаний.
- И каковы результаты?
- Обнадёживающие.
- Кто, кроме нас, занимается исследованиями в данной области?
- США, Франция, Китай. По оперативным данным, помимо них, такие работы ведутся в Германии, Северной Корее и Индии.
- Со стороны их спецслужб есть интерес к «Ареалу»?
- Да, объект первоочередных разведывательных устремлений.
- Выходит с Чаплыгиным не все так просто? – заключил Первушин и затем спросил: – А как он характеризуется?
- Я в справке все отразил, – ответил Охотников и подал документ.
- Почитаю, а пока в двух словах.
- Если коротко – положительный со всех сторон.
- И это в наше время? – скептически заметил Первушин и напомнил: – Поляков тоже казался положительным со всех сторон. Негодяй! Двадцать лет работал на ЦРУ, а в ГРУ дослужился до генерала. Мерзавец, так бы и ушел на дембель с почестями, если бы не Эймс!
- Вы хотите сказать, что имеет место шпионская версия? Чаплыгин собрал материал и махнул на Запад? Это маловероятно, – усомнился Охотников.
- Ну, почему же?
- А какой смысл ему бежать? У нас вопросов к нему не было. Но если он, действительно, шпион, то мог бы дальше спокойно сливать информацию и жить в свое удовольствие.
- Хорошо, оставим эту версию в стороне, – не стал спорить Первушин и задался вопросом: – В таком случае, какие есть другие?

– Бытовая.

– Покончил жизнь самоубийством?

– Не думаю. Чаплыгин был жизнелюбивым человеком, что исключает самоубийство, – отверг эту версию Охотников.

– Андрей Михайлович, не будь так категоричен. В той обстановке, что имеет место в 53-м НИИ, и жизнелюбец полезет в петлю.

– Александр Васильевич, но его лабораторию реорганизация не затронула. Да, есть задержки в финансировании работ, но они не критические.

– Андрей, а тебе в голову не приходило, что его могли убрать завистники. Тема, которой занимался Чаплыгин, как ты говоришь, очень перспективная, а значит, денежная.

Охотников задумался: такая версия ему в голову не приходила. В лаборатории Чаплыгина работал небольшой и дружный коллектив. Все сотрудники имели допуск по форме № 1 – работа с совершенно секретными и особой важности документами. Она предполагала всестороннюю проверку не только их самих, а и близких родственников. Охотников на память не мог знать всех материалов на сотрудников лаборатории, но готов был поручиться, что не один из них не был замечен ни в чем предосудительном, и решительно заявил:

– Александр Васильевич, за работой сотрудников лаборатории ведется постоянный оперативный контроль. И те данные, которыми мы располагаем, делают эту версию маловероятной.

– И все-таки, Андрей Михайлович, не надо сбрасывать ее со счетов.

– Хорошо, буду прорабатывать.

– Ею займись позже, а сейчас найди Чаплыгина живого или мертвого – это первое, и второе – выясни все ли материалы по теме «Ареал» находятся на месте.

– Ясно! Разрешите идти?

– Да, и действуй энергично, Андрей Михайлович! – потребовал Первушин.

– Есть! – ответил Охотников и поспешил на выход.

Он спустился на второй этаж, к себе в кабинет. Там его ждали подчиненные: старший оперуполномоченный по особо важным делам майор Иван Устинов, старший оперуполномоченный капитан Геннадий Приходько и оперуполномоченный капитан Олег Лазарев. Загадочное исчезновение такого важного секретоносителя, каковым являлся Чаплыгин, дало им повод для самых невероятных предположений.

Охотников положил конец спорам и распорядился: Устинову выехать в 53-й НИИ, там провести проверку наличия всех материалов по теме «Ареал», опросить сотрудников лаборатории и выяснить, кто из них последним общался с Чаплыгиным. Приходько поручил совместно с милицией и командованием продолжить физический поиск Чаплыгина, а сам вместе с Лазаревым отправился на его квартиру. В беседе с женой и сыном он рассчитывал получить важные детали, которые бы пролили свет на его загадочное исчезновение, и изъять, возможно, хранящиеся на дому материалы по теме «Ареал». Основания для этого у Охотникова имелись.

Чаплыгин нередко грешил тем, что в нарушение режима секретности выносил документы за стены института. Последний такой случай произошел в мае, тогда для него все закончилось профилактикой. Из уважения к его заслугам, Рудаков не стал настаивать на проведении служебного расследования со всеми вытекающими неприятными последствиями для профессора и ограничился проведением беседы. Как она проходила, Охотникову приходилось только догадываться. После нее профессор стал строго соблюдать режим секретности, а при личных встречах в его холодно-вежливом обращении появились теплые оттенки.

Отправляясь на квартиру Чаплыгиных, Андрей ломал голову над тем, как построить беседу с родными профессора, чтобы получить доступ к его домашнему архиву и убедиться в том, что не произошло утечки информации по теме «Ареал». Надежду на то, что ему удастся

выполнить столь деликатную миссию, давало знакомство с сыном Чаплыгина – Алексеем. Тот, так же как и отец, только в качестве служащего работал в 53-м НИИ, но в другой лаборатории.

Алексей и жена Чаплыгина оказались дома, их осунувшиеся лица говорили о том, что исчезновение отца и мужа стало для них шоком. Шли уже третьи сутки, а Валентин Борисович так и не дал о себе знать. Беседа Охотникова с ними ничего не прояснила. Ни Алексей, ни его мать не могли сказать ему чего-либо вразумительного о причинах исчезновения профессора. Серьезных конфликтов в семье не было, мелкие ссоры в счет не шли. Для мрачного настроения, в котором Чаплыгин пребывал в последнее время, имелся веский довод – реорганизация института. Но она нервировала не только его, а и весь коллектив. Слухи о грядущем повальном увольнении и свертывании многих научных работ только усиливали гнетущую атмосферу в коллективе, но никто не высказывал намерений лезть в петлю.

Шпионская версия, которую Охотников держал в голове, также не нашла подтверждения. Достаточно было беглого взгляда на обстановку в квартире, чтобы понять – шпионажем в ней не пахло. Единственным утешительным итогом посещения квартиры Чаплыгиных для Охотникова и Лазарева стало то, что домашний научный архив профессора перешел в их руки. Но ответить на вопрос: все ли в нем на месте? – могли только специалисты. Поэтому Охотников отправил Лазарева с материалами Чаплыгина в институт, а сам возвратился в управление, чтобы определиться с тем, что делать дальше, но с мыслями ему так и не удалось собраться.

На него, словно из дырявого решета, одна за другой за другой посыпались напасти. В 4-м НИИ Ракетных войск стратегического назначения во время проведения инвентаризации комиссия не обнаружила совершенно секретного блока и формуляра к нему. Весь остаток дня Охотникову вместе с Приходько и офицерами отделения защиты гостайны центра пришлось заниматься их поиском. Пропажа вскоре обнаружилась. Все оказалось до банальности просто. Старший научный сотрудник подполковник Оськин поленился возвратить блок и формуляр на место, спрятал за стендом, а сам укатил на дачу.

Предоставив командованию самому разбираться с разгильдяем Оськиным и его начальниками, Охотников отправился в управление. Там уже находился Устинов, и не с пустыми руками. Собранный им оперативная информация на Чаплыгина заставила Андрея изменить мнение о нем, как о человеке кристально чистом и стоящем на страже государственных интересов. Шпионская версия Первушина уже не выглядела столь фантастической. Контакты Чаплыгина с иностранцами – немцами и корейцами, о которых он, как положено, не доложил по команде, давали богатую пищу для различных предположений.

Следующий день принес не менее интересные факты из жизни и деятельности профессора. При исследовании его электронной почты специалисты из технического управления нашли следы переписки с зарубежными корреспондентами, которые стали очередным откровением для Охотникова. Не меньше этого его озадачила тайная поездка Чаплыгина на Украину, в Харьков. Она заняла два дня, и о ней не в семье, не в институте ничего не знали. Все это порождало массу вопросов, и с ними Андрей отправился в кабинет Первушина.

Несмотря на поздний час, тот находился на месте. Доклад Охотникова заставил его забыть об ужине и доме. Казавшаяся житейской и далекой от контрразведки история с Чаплыгиным, в свете добытых материалов, приобретала совершенно иное значение. Первушин видел во всем этом руку иностранной разведки. «Вот только какой: корейской, германской?» – задавал он себе этот вопрос и не находил ответа: слишком мало имелось исходных данных. Не решив с наскока сложную головоломку, он и Охотников принялись выстраивать схему проверки.

Первушин положил перед собой чистый лист бумаги, взял ручку, в верхней части крупно вывел «Ареал», обвел слово в круг, пустил стрелку к букве «Ч» – от нее в разные

стороны разошлись лучи. В конце первого луча он поставил букву «К» и обратился к Охотникову:

– Итак, начнем, Андрей Михайлович. Что мы имеем по контактам Чаплыгина с иностранцами?

– Пока установлено три: кореец и два немца. Работа по ним продолжается, – пояснил Охотников.

– Основное внимание тем, кто может быть связан со спецслужбой.

– Пока таких данных нет.

– Надо глубже копать.

– Ясно.

– Что удалось вытащить из переписки? – продолжил опрос Первушин и в конце второго луча поставил букву «П».

Охотников развел руками и с горечью констатировал:

– Пока ничего, но специалисты активно работают.

– Будем надеяться, что они что-нибудь да вытащат, – не терял надежды Первушин и, поставив у третьего луча букву «С», поинтересовался: – Секреты, они – как, на месте?

– Однозначный ответ дать сложно. Слишком большой объем информации. На сегодня все материалы сосредоточены в лаборатории Чаплыгина. Ими занимается группа научных сотрудников, работающая по теме «Ареал».

– Когда будет результат?

– Точно не могу сказать: там масса научных и технических нюансов.

– Андрей Михайлович, я тебя прошу: поторопи специалистов, их оценка имеет большое значение. Она поможет нам быстрее определиться с направлением поиска.

– Такая задача поставлена Устинову. Кроме того, для контроля за работой группы экспертов в ее состав включен надежный агент Барков.

Хорош! – одобрил Первушин и, подводя итог, распорядился: – Итак, Андрей Михайлович, первое: в кратчайшие сроки необходимо установить место нахождения Чаплыгина! Второе: самым тщательным образом проработать его связи с корейцами, немцами на предмет выявления среди них лиц, связанных с иностранными спецслужбами. Третье: выяснить, имела ли место утечка информации по теме «Ареал», каких именно и по каким конкретно каналам. Задача ясна?

– Так точно! – подтвердил Охотников.

– Если понадобится дополнительная помощь, обращайся.

– Спасибо, Александр Васильевич, надеюсь, справимся силами отделения.

– В таком случае, Андрей Михайлович, жду результата и поскорее! – поторопил Первушин.

Охотников возвратился к себе в кабинет. В нем в полном составе собрались сотрудники отделения. Сообща, они детализировали план дальнейшей проверки по Чаплыгину, предложенный Первушиным и на следующий день приступили к его выполнению.

Глава четвертая

Лэнгли. Дьявольский план полковника Колли

*США. Лэнгли. Штаб-квартира ЦРУ,
кабинет шефа восточного отдела полковника Джона Колли
Top secret R. Moscow
17 sep. 2010 г.*

«From our... от конфиденциального источника в 53-м научно-исследовательском институте (НИИ) Министерства обороны России получены дополнительные документальные материалы, касающиеся военных научных разработок в области обнаружения летательных объектов, изготовленных по стелс-технологии.

К настоящему времени на базе института завершены лабораторные исследования и изготовлен опытный образец, получивший кодовое название «Апофес». В ближайшие недели на полигоне Министерства обороны России «Капустин Яр» будут проведены его полевые испытания. Нами предпринимаются необходимые действия по добычанию данных, раскрывающих конструктивные особенности и технические характеристики «Апофеса...»

Перечитав последнюю часть донесения московской резидентуры, Джон Колли поднял голову. В его глазах ведущий сотрудник восточного отдела ЦРУ Ник Ваилд увидел неподдельную тревогу. И для нее у Колли имелись серьезные основания. Ему казалось, что русские находились всего в шаге от прорыва в такой важной области военного соперничества, как воздушно-космическая. Появление в их боевом арсенале «Апофеса», по его мнению, представляло глобальную угрозу для национальной безопасности США.

Ваилд был не склонен драматизировать ситуацию с «Апофесом». Последние полтора года он предметно занимался данной темой и знал ее в деталях. С разработкой этого оружия все обстояло далеко не так гладко, как то представлялось Колли. Последние успешные лабораторные испытания «Апофеса» являлись, пожалуй, редким исключением в череде неудач, а это означало, что у русских в ближайшее время вряд ли появится грозное оружие, способное нейтрализовать ракетно-ядерный потенциал США. Окончательный ответ об эффективности «Апофеса» могли дать только его полевые испытания. В том, что их результаты станут достоянием ЦРУ, Ваилд не испытывал сомнений. Агент Консул, завербованный несколько месяцев назад, занимал не последнее место в руководстве 53-го НИИ. Полагаясь на него, Ваилд поспешил рассеять опасения Колли и заверил:

– Сэр, угроза «Апофеса» для нашей национальной безопасности представляется весьма относительной. При нынешнем научно-техническом состоянии России дистанция от опытного образца до серийного производства может занять не один год. Тем более «Апофес» не прошел полевых испытаний, а их результаты с помощью Консула мы будем иметь уже на следующий день.

– Ник, Консул и результаты испытаний – это, конечно, хорошо. Но они не решат проблемы! – категорически не согласился Колли.

– Ну, почему? Имея на руках полные характеристики «Апофеса», наши яйцеголовые быстро найдут противоядие.

– Нет, Ник, это не решение проблемы! – стоял на своем Колли и потребовал: – Мы должны! Мы обязаны посадить русских на задницу! И посадить так, чтобы они не поднялись!

– Джон, наше превосходство в воздухе и в космосе сведет на нет возможности «Апофеса», – не склонен был драматизировать ситуацию Ваилд.

– Ты ошибаешься, Ник! Проблему «Апофеса» нельзя рассматривать в отрыве от других. У русских есть и другие эффективные средства преодоления нашей ПРО.

– Ты имеешь в виду те, что стоят на ракетах «Сатана» и «Тополь»?

– И не только. У них на подходе стратегический ракетный комплекс «Ярс» – этот русский черт в мешке, и оперативно-тактический «Искандер».

– Что черт, то черт, – согласился Ваилд и посетовал: – Если у русских с «Искандером» все получится, то размещение наших противоракетных комплексов в Польше и Чехии станет пустой затеей.

– А представь, что у русских появится еще «Апофес».

– Это станет мощнейшим ударом по нам.

– Вот потому, Ник, русских надо приземлить, и как можно скорее! И не только с «Апофесом», а по самому широкому спектру новых военных разработок!

– Как то мы сделали с их электронной промышленностью – загнали ее в тупик! – вспомнил Ваилд об одной из самых удачных операций ЦРУ начала 90-х годов в России.

– Совершенно верно.

– Блестящая была операция. Теперь их ракетные носители валяются один за другим! Если так дальше пойдет, то скоро русские будут летать в космос на ядрах, как барон Мюнхгаузен.

– Ник, давай не будем обольщаться, нам это еще предстоит сделать, – напомнил Колли.

– Нам?! – брови Ваилда поползли вверх, и, покачав головой, он посетовал: – Джон, у меня на сей счет нет никаких идей.

– Почему же нет, одну ты уже высказал.

– Какую?

– Загнать в тупик перспективные военные научные разработки русских.

– Сказать легко, а как реализовать? Сегодня не девяностые годы, и в Кремле сидит не Ельцин, а Путин.

– К сожалению, – признал Колли и затем обронил загадочную фразу: – Но не все так безнадежно, Ник. Сегодня у нас в России появился важный помощник.

– Помощник? И кто?

– А ты не догадываешься?

Ваилд мысленно перебрал наиболее ценных агентов ЦРУ в России, но ни одному из них подобная миссия была не по плечу, и развел руками. А Колли, продолжая интриговать, спросил:

– Ник, сколько ты занимаешься Россией?

– В общей сложности девять лет, а предметно – последние два года.

– Срок достаточный, чтобы понять особенности русских.

– Они долго запрягают, но потом... – Ваилд напряг память, пытаясь вспомнить продолжение поговорки.

Колли усмехнулся и язвительно заметил:

– Стареешь, Ник, потом они быстро ездят.

Ваилд не остался в долгу и в тон ему ответил:

– Джон, мне кажется, для нас больший интерес представляет другая особенность русской души.

– И какая же?

– Русские любят быструю езду, а при ней заносит на поворотах.

– Согласен. Я бы еще добавил, если они что-то ломают, то их не остановить.

– «...До основания, а затем Мы наш, мы новый мир построим... Кто был ничем, тот станет всем!..» – вспомнил Ваилд строчки из «Интернационала».

Колли рассмеялся и добродушно произнес:

– Ник, я не подозревал, что ты – скрытый марксист.

– Джон, я, конечно, не историческое ископаемое, но противника – коммунистов знал хорошо. Два года работы в резидентуре в Москве, когда там был «железный занавес», я скажу, – занятие не для слабонервных. КГБдохнуть нам не давало.

– Прости, Ник, я не хотел тебя обидеть, – извинился Колли и философски изрек: – Времена меняются, а с ними должны меняться и мы.

– Меняются, но разведка, как и тысячу лет назад, строится на человеческих слабостях. Древние говорили: осел, груженный золотом, возьмет самую неприступную крепость. Неподкупных нет! Только у каждого – своя цена. Главное – не продешевить.

– Не спорю, но если есть возможность – я имею в виду 53-й и другие научные институты русских – уничтожить чужими руками, то грех не воспользоваться этим. А она появилась, – возвратился к началу разговора Колли.

– Джон, я разве против? Где только найти такого «осла»? Мне о нем ничего не известно, – терялся в догадках Ваилд.

Колли не стал его томить и огорошил:

– Министр обороны России.

– Чт-о?! – не мог поверить своим ушам Ваилд.

– Да, да, Сердюков, – со всей серьезностью подтвердил Колли.

Ваилд опешил и с изумлением уставился на него. Профессионал до мозга костей он не переставал удивляться способностям Колли выдвигать парадоксальные идеи и находить неординарные решения, казалось бы, неразрешимых проблем в такой специфической сфере, как разведка. Но то, что он предлагал сейчас, скорее можно было отнести к необузданному полету фантазии человека, которого за семь лет службы в ЦРУ так и не обтесала система.

В разведку Колли пришел с научной кафедры Массачусетского университета в простой для американской разведки период. После провала шоу ЦРУ с оружием массового поражения в Ираке президенту Бушу, чтобы заставить заткнуться «голубей» из лагеря демократов, понадобился козел отпущения. Икать его долго не пришлось. Директор ЦРУ, сыграв роль раскаявшегося грешника, ушел в отставку, а после того, как утихла шумиха, всплыл в кресле вице-президента нефтяной компании. Для «голубей» это стало красной тряпкой – они требовали от президента новых жертв. И тот вынужден был пойти им на уступки. Вслед за директором с креслами расстались еще десяток высокопоставленных сотрудников, засветившихся в грязных иракских делах. На смену им в ЦРУ рекрутировали новые кадры.

В их числе оказался Колли. Его профессорский вид и раскованная манера общения резали глаз матерым разведчикам и служили предметом для злословия. Но вскоре они прикусили языки, причиной тому были не связи Колли на Капитолийском холме и острый как бритва язык, а результаты работы. Тонкий ум, изобретательность и неординарное мышление позволили ему быстро подняться по карьерной лестнице. Он не просто поднялся, а взлетел. Колли оказался прирожденным разведчиком, и в новой для себя области добился фантастических результатов. Информация, добытая его агентами, не один раз докладывалась президентам Бушу, а потом Обаме.

Поэтому, несмотря на 22 года службы в разведке, Ваилд без обид принимал интеллектуальное превосходство Колли над собой. Но в своем замысле использовать Сердюкова для развала российской военной науки тот явно хватил через край. При самом буйном полете

фантазии Ваилд не мог себе представить министра обороны России в роли исполнителя замысла Колли и прямо заявил:

– Извини, Джон, может, я чего-то не понимаю, но с Сердюковым ты явно хватил через край.

– Не спеши с выводами, Ник! – сохранял невозмутимый вид Колли и, передав ему документ, предложил: – Ознакомься, а потом поговорим.

Ваилд бросил взгляд на название – «Обзор деятельности фонда содействия диверсификации российских оборонных производств Defense Enterprise Fund» – оно ему ни о чем не говорило, и вопросительно посмотрел на Колли. А тот поторопился:

– Читай, читай! У нас не так много времени!

Первые строчки навяли на Ваилда скуку. Они напоминали отчет менеджмента перед акционерами о деятельности компании. К концу первой страницы он застрял в статистической отчетности и в сердцах бросил:

– Извини, Джон, я не бухгалтер! Здесь нет никакой разведки!

– Пропусти третью страницу и читай с четвертой, – не стал испытывать его терпения Колли.

Ваилд перевернул лист, и в глаза бросился крупно набранный заголовок: «Партнерские связи Defense Enterprise Fund в России». Здесь уже пахло разведкой. Он пробежался взглядом по их перечню, и ноздри его хищного носа затрепетали. Подобно опытному охотнику, Ваилд почувствовал запах крупной дичи и в своих ожиданиях не ошибся. За описанием характера сделок и их внушительных объемов он увидел главное. В числе партнеров Defense Enterprise Fund значилось ЗАО «ФАМЭК-АС» из Санкт-Петербурга, имевшее выходы на силовые структуры – МВД, Федеральную налоговую службу, а также правительство города. И не просто выходы: оно являлось для них основным поставщиком сетевых информационных систем и компьютерной техники.

В очередной раз Ваилд поразился изобретательному уму Колли: через Defense Enterprise Fund и его партнера ЗАО «ФАМЭК-АС», используя возможности агента Консул, поставить в 53-й и другие НИИ электронного «троянского коня» – на шпигованное разведывательной аппаратурой оборудование. С его помощью не составило бы большого труда отыскать «ахиллесову пята» «Апофеса» и нанести удар.

– Джон, ты гений? Это беспрюирышный ход! Остается завербовать кого-нибудь из боссов Defense Enterprise Fund, – восхитился его остроумной идеей Ваилд.

Колли был польщен – оценка профессионала для него стоила немало, ответил благодарным взглядом и пояснил:

– С вербовкой боссов вопрос решен. Один из них – Сэм Калмин уже работает на нас!

– Тогда чего ждать? Надо начинать операцию! У меня нет сомнений, директор ее поддержит! – загорелся Ваилд.

– Не спеши, Ник! Необходимо сделать еще один ход, и здесь я рассчитываю на тебя.

– Я готов, Джон! А как быть с 53-м институтом? Мне ведь не раздвоиться.

– И не надо, все взаимосвязано.

– Как? Каким образом?

– Сейчас поймешь. Для этого... – договорить Колли не успел.

Зазвонил телефон. Он снял трубку. По его лицу Ваилд догадался: звонит директор. Разговор был не из приятных – Колли нервно покусывал губы и отвечал короткими рублеными фразами. Ваилд сделал вывод: в резидентуре ЦРУ в России произошло что-то чрезвычайное, и напрягся. В сложившейся ситуации его больше волновали судьба агента Консула и дальнейшая работа по «Апофесу». Он с нетерпением ждал окончания разговора и не успел Колли положить трубу, как принялся теревить его вопросами:

– Что произошло, Джон? Провал? Кто? Когда? Консул?!

– Пока неясно, но, похоже, на Кавказе мы вляпались в дерьмо по самые уши, – мрачно обронил Колли и, торопливо запихнув документы в сейф, распорядился: – Жди меня! Вернись от директора, и мы продолжим разговор.

Ваилд спустился в свой кабинет и, пока Колли находился на совещании, не находил себе места. Его предложение по использованию Defense Enterprise Fund и его партнера ЗАО «ФАМЭК-АС» в операции против русских ошеломило своей дерзостью и вызвало в голове сумбур мыслей. Ваилд с нетерпением ждал возвращения Колли от директора. Совещание затягивалось, и тому имелись веские причины.

В руководстве ЦРУ были потрясены последними провалами агентуры в России. Разветвленная разведывательная сеть, созданная с таким трудом совместно со Специальной службой внешней разведки Грузии в Российской армии, рухнула в одночасье. Десятки ее агентов были провалены. Самый тяжелый удар был нанесен по нелегальной резидентуре. Ее резидента, кадрового сотрудника, заместителя начальника оперативного управления Специальной службы внешней разведки Грузии Херкеладзе, взяли с поличным – с секретной информацией. Вслед за ним в камеры отправились особо ценные агенты подполковники Хачидзе, Богданов, Имерлишвили и шифровальщик из штаба СКВО старший лейтенант Алиев.

Подобного разгрома разведывательной сети в России даже ветераны ЦРУ не могли припомнить. После этого у директора и Колли не возникало сомнений: агенты стали жертвами ответной операции российской контрразведки, сумевшей внедриться в резидентуру, а затем выйти на самого резидента. Херкеладзе и его агентов уже было не вернуть. После их провала головной болью для директора и Колли стала добытая ими информация. Ее анализ наводил на грустные мысли: материалы резидентуры могли быть ловкой дезинформацией ФСБ. И, чтобы разобраться во всем этом, директор потребовал от Колли, резидентур ЦРУ в Москве и Санкт-Петербурге задействовать надежную агентуру для перепроверки добытых Херкеладзе разведывательных материалов.

Но одним этим директор не ограничился. В последнее время президент и Пентагон не давали покоя руководству ЦРУ: они требовали добыть материалы о ходе реформы в Вооруженных Силах России. Густая завеса тайны, окутывавшая ее, порождала в Белом доме массу домыслов и слухов. Отрывочные разведданные и утечка информации в СМИ, которую хитрые русские давали не без умысла, говорили опытным аналитикам американской разведки: на этот раз Кремль решительно настроился сломать пришедшую в полную негодность военную машину бывшей Советской армии и создать новую. Какой она станет – ЦРУ и Пентагону оставалось только гадать. Попытки проникнуть под покров тайны реформ Русской армии не увенчались успехом. Поэтому предложение Колли использовать в этих целях компанию Defense Enterprise Fund, глубоко интегрированную в полувоенные структуры в Санкт-Петербурге и Москве, и агента Калмина получило поддержку директора. Операция получила кодовое название «Терминатор».

После совещания Колли возвратился к себе и тут же позвонил Ваилду. Тот поднялся к нему. Выражение глаз Колли заставило его напрячься.

– У нас, Ник, возникли серьезные проблемы. Русские подложили нам большую свинью. Мало того что накрыли разведывательную сеть на Северном Кавказе, так еще запустили дезу через двойных агентов, – мрачно обронил Колли.

Ваилд изменился в лице. Меньше месяца назад он возвратился из Тбилиси, где находился с инспекционной поездкой – проверял работу резидентуры ЦРУ и Специальной службы внешней разведки Грузии. По ее результатам он представил руководству оптимистичный доклад: резидентура Херкеладзе, на которую было потрачено столько сил и средств, заработала. Но, как оказалось, ненадолго. Провалы ее и других агентов напрямую били по Ваилду. Избегая смотреть на Колли, он внезапно осипшим голосом спросил:

- Сколько взяли?
- Полностью ликвидирована резидентура Херкеладзе. Арестованы агенты в Общевоинской академии и штабе округа. Директор рвет и мечет.
- Знакомая история. А кого назначили козлом отпущения?
- Пока не нашли, но ты понимаешь, если что...
- Договорить Колли не удалось. Гнев душил Ваилда, и он взорвался:
- Козла?! А все из-за этих болванов в Тбилиси! Я же говорил резиденту в Тбилиси – Джапаридзе заигрался! Десятки агентов, которыми он хвалился, – это хлам! Мерзавец? Пускал нам пыль в глаза, чтобы выколотить деньги! Раздувал резидентуры одноразовыми агентами. И вот результат!
- Ник, успокойся, тебя никто не винит.
- Это сегодня, а завтра?
- Не будем загадывать, уже ничего не изменишь. Ты не хуже меня знаешь отношение директора к грузинской разведке. Грузия – это рекламный проект, и его ведет Госдеп.
- Рекламный?! Джон, сколько можно плясать под дудку этой набитой дуры Клинтон?! Осточертела со своими чистоплюями! Они по фушетам шляются, сплетни собирают, а мы в дерьме! – негодовал Ваилд.
- Остынь, Ник, словами делу не поможешь, – сохранял терпение Колли.
- Извини, Джон, нервы, – смутился Ваилд.
- О'кей, вернемся к Defense Enterprise Fund и Калмину.
- Ладно, так в чем здесь фишка, Джон?
- Сейчас поймешь, – ответил Колли, открыл сейф, снова достал «Обзор деятельности Фонда содействия диверсификации российских оборонных производств Defense Enterprise Fund» и предложил: – Прочитай внимательно последние абзацы.
- Ваилд, играя желваками на скулах, – в нем внутри все еще кипело от негодования – склонился над документом. Через минуту его брови поползли вверх, а на вырубленном, словно топором, лице пошли трещины.
- Невероятно?! – воскликнул он.
- Действительно, это была невероятная удача. Ваилд не мог поверить в нее, снова обратился к документу, а когда поднял голову, то в его глазах Колли увидел неподдельное восхищение. Насладившись произведенным эффектом, он спросил:
- Теперь ты понимаешь, какая на нас свалилась удача?
- Удача – это ты, Джон, и твоя светлая голова! Я видел эти материалы, но не зацепился, – признался Ваилд и задался вопросами: – Допустим, у нас есть агент – Калмин. Он связан с этим русским – Вельтовым из ЗАО «ФАМЭК-АС». Предположим, нам удастся завербовать Вельтова. Он знает Сердюкова и находится с ним в дружеских отношениях. А дальше что? Вербовать Сердюкова? Заставить работать на нас? Это же смешно!
- Так, как мыслишь ты, Ник, результата не добиться.
- Хорошо, скажи, как?
- Отказаться от сложившихся стереотипов. На таком уровне, как Сердюков, они не работают. Ты прав, завербовать его сложно, если не сказать, невозможно. Психология – вот наш ключ к выполнению миссии.
- Извини, Джон, но я чего-то недопонимаю, – окончательно запутался Ваилд в парадоксальных поворотах мысли Колли.
- Тот улыбнулся и пояснил:
- Ник, Сердюков и те, кого он привел с собой в министерство обороны, – бизнесмены.
- Да, я слышал, он занимался мебельным бизнесом в Санкт-Петербурге. И что?
- А вот здесь начинается самое интересное. Ты не ошибся, в начале 90-х Сердюков занимался мебельным бизнесом. На этой почве он познакомился с Вельтовым. Позже Сер-

дюков выгодно женился на дочери российского вице-премьера, стал чиновником и сделал головокружительную карьеру. Но это не помешало ему сохранить деловые и личные отношения с Вельтовым. Тот тоже не потерялся, при поддержке русской мафии – некоего Хухштаба – сколотил приличный капитал.

– В России это называется крышей, – блеснул Ваилд познаниями российской действительности.

– Сути это не меняет, – не стал спорить Колли и продолжил: – В 1992 году Вельтов организовал на базе оборонного научно-производственного объединения «Пульс» компанию «ФАМЭК» и занялся поставками компьютерной техники в Россию. В 1997 году он познакомился с Калминым, и они учредили дочернее предприятие ЗАО «ФАМЭК-АС». На его базе создали первые компьютерные сети в Санкт-Петербурге, в том числе и для налоговой службы.

– Хваткие парни, с размахом работали! А как они были связаны с Сердюковым?

– Напрямую! Поставки в налоговую службу осуществлялись, когда ею руководил Сердюков.

– Вон оно что! Интересный факт, но с того времени прошло больше десяти лет. Где сейчас Сердюков, и где сейчас Вельтов? Как их подвязать друг к другу и к нашей операции? Как?! Хоть убей меня, Джон, не пойму! – окончательно запутался Ваилд.

– Если идти по избитым схемам, то никак. Еще раз говорю, решение проблемы надо искать в области психологии бизнесмена, – терпеливо разъяснял Колли.

– Извини, Джон, но какое отношение она имеет к нашей операции? Мы должны заблокировать военные научные программы русских, не так ли?

– Совершенно верно.

– С помощью психологии бизнесмена?!

– Именно, Ник! Этот бизнесмен – Сердюков сегодня реформирует военную машину русских.

– Хорошо реформирует, а дальше что?

– А дальше мы введем в игру Вельтова.

– Ввели, но в какую игру, и что он будет играть?

– Пойми, Ник, для Сердюкова реформа армии – это бизнес-проект. И он поступает, как бизнесмен. Все, что ему кажется иррациональным, безжалостно отсекается. И вот здесь свою роль должен сыграть Вельтов. В бизнес он пришел из большой науки, военной науки. Сердюков об этом знает и будет считаться с его мнением.

Ваилд задумался, осмысливая сказанное. Идея Колли уже не казалась столь фантастической и спросил:

– Джон, если я тебя правильно понял, то через Вельтова мы подскажем Сердюкову, как реформировать военную науку в нужном для нас направлении?

– Совершенно верно! – подтвердил Колли и предложил: – Ник, берись за миссию. Я очень рассчитываю на тебя.

– О'кей! – согласился Ваилд, и в его глазах вспыхнули азартные огоньки.

Захваченный остроумной идеей, он уже жил ею и торопил:

– Надо немедленно встретиться с Калминым и начинать работу по Вельтову.

– Да, у нас слишком мало времени, – подтвердил Колли и распорядился: – Сегодня изучишь досье на Вельтова и Калмина. Завтра вылетишь во Флориду. Там находится Калмин. Проведешь с ним встречу и определись, на чем можно завербовать Вельтова.

– Да, все они одним миром мазаны. Вопрос только в цене.

– Не спеши с выводами, Ник. Вельтов – серьезная фигура, простые подходы по нему не сработают. Русская мафия с ним ничего не смогла сделать. И второе: его отец – бывший полковник ГРУ, а это, сам знаешь, серьезная школа.

– Тем интереснее, Джон! Я соскучился по настоящей работе! – загорелся Ваилд.

– В таком случае удачи, Ник, – пожелал Колли и, завершая беседу, вручил ему досье на Калмина и Вельтова.

В свой кабинет Ваилд возвратился в приподнятом настроении: операция «Терминатор» была тем, о чем только мог мечтать любой разведчик, и занялся изучением материалов. Досье на Семена Калмина скорее представляло авантюрный роман, чем дело на агента. Выходец из бывшего СССР, он являл собой яркий образец «нового русского», у которого хватило ума быстро сменить «малиновый пиджак» и распальцовку на модный костюм от Кардена, а пальцам найти более подходящее применение: они с легкостью отсчитывали щедрые откаты алчным чиновникам, которые после скудных партийных спецпайков никак не могли насытить свои волчьи аппетиты. Взамен Калмин получал лакомые куски неликвидов и свой первый капитал сколотил на хитроумных махинациях, связанных с продажей за границу стратегических металлов. Его комбинация с продажей титана была до гениальности проста: под видом титановых лопат на Запад отправлялись десятки тон первосортного металла. За два года количество «лопат», вывезенных из России, оказалось таково, что ими могли бы окапаться все армии мира.

Так продолжалось до осени 1992 году. В сентябре на Калмина наехали бритые затылки. Выдержав несколько наездов «торпед», а затем «быков», он благоразумно не стал бодаться, скинул «смотрящему» по бросовой цене свой бизнес, перебрался в США и оседлал новый – поставки в Санкт-Петербург компьютерной техники. На этой почве в 1997 году он сошелся с Вельтовым, разрабатывавшим новую для России денежную жилу – компьютерные технологии.

Сын военного, и не просто военного, а полковника ГРУ, Вельтов по стопам отца не пошел, а решил откосить от армии и поступил в знаменитый питерский Военмех. После его окончания, благодаря связям отца, остался ковать оборонный щит страны в Ленинграде в широко известном, но только в узких кругах, научно-производственном объединении «Пульс».

Недюжинный ум и пробивные возможности позволили Вельтову за короткий срок вырасти до старшего инженера. Работа над кандидатской диссертацией открывала ему путь к завлабу – пределу мечтаний для молодого советского ученого. Но случился август 91-го, и некогда могущественный советский военно-промышленный комплекс, а вместе с ним наука рухнули. Вельтов был в числе тех стервятников, кто на ее чахнувшей ниве принялся собирать щедрый денежный урожай.

Руководство объединения «Пульс», оказавшись в тисках жесточайшего финансового кризиса, в поисках выхода вынуждено было согласиться не только на предложение Вельтова заняться коммерческой деятельностью, а и предоставить ему один из руководящих постов в дирекции. К 1996 году он, где мытьем, а где катаньем, отправил на заслуженный отдых «красных директоров» объединения, организовал дочернее предприятие ЗАО «ФАМЭК-АС» и стал его генеральным директором.

И если у Вельтова дела шли в гору, то у Калмина жизнь на новой родине – в США оказалась не безоблачной. Вскоре он попался на контрабандной сделке и, чтобы не сесть в тюрьму, вынужден был пойти на сотрудничество с ЦРУ. Не без помощи американской разведки создал фонд содействия диверсификации российских оборонных производств Defense Enterprise Fund. Эта диверсификация носила специфический характер: с помощью фонда и Калмина ЦРУ добывало российские научные разработки. Одним из таких поставщиков, сам того не подозревая, стал Вельтов. В 1997 году Калмин купил у него за 3 миллиона долларов 40 % акций ЗАО «ФАМЭК-АС» и продолжил качать российские секреты. Так и не определившись окончательно с планом предстоящей беседы с Калминым, Ваилд решил действовать по обстановке и, закончив работу с его досье, отправился домой.

На следующий день, 18 сентября, после полудня он вылетел из Вашингтона во Флориду. Через час самолет приземлился в аэропорту Стюарт в Майами. Ослепительно белая туша «Боинга-777», напоминающая огромную акулу, медленно всплыла на стоянку. Турбины в последний раз пронзительно взвизгнули и затихли. По проходу засновали стюардессы, и веселая разноголосица покатила по салону. Ваилд снял с полки сумку, перебрал за плечо и двинулся к выходу. Выйдя на верхнюю площадку трапа, он остановился и вдохнул полной грудью. В воздухе смешались запахи керосина, моря и поздних цветов. Несмотря на вторую половину сентября, лето не спешило покидать Флориду. Бриз, потягивавший со стороны моря, был не в силах остудить жар, исходящий от бетонки. Над ней колыхалось зыбкое море. Яркое южное солнце слепило глаза. Ваилд надел очки, стремительно спустился с трапа и попал в объятия коллеги – Джима Мэтлока.

Последний раз они встречались в августе 2008 года, во время проведения в Южной Осетии военной операции «Чистое поле». Тогда Джим показал себя крепким парнем с железными нервами. 10 августа русские десантники, прорвав боевые порядки грузинских войск, стремительно продвигались вглубь Грузии. Их арьергард приближался к Гори и находился в нескольких километрах от ворот базы 4-й пехотной дивизии.

Паника охватила всех: грузинских военных, американских, украинских советников и специалистов по системам ПВО. В кабинетах, по коридорам катилось: «Русские идут!» – у ворот базы возникла давка. Охваченные ужасом рядовые и офицеры срывали с себя погоны, вышвыривали в кусты документы и, не обращая внимания на звания, ломались в битком набитые автобусы, чтобы прорваться в Гори и затеряться среди населения. В той драматичной обстановке лишь немногие сохранили присутствие духа. Среди них оказался Джим. Он, уничтожив секретные документы, шифраппаратуру разведпункта ЦРУ, одним из последних покинул базу.

Спустя два года, непредсказуемая судьба разведчика свела их вновь. В такой важной операции, как «Терминатор», лучшего помощника, чем Джим, было не найти. Вырвавшись из его объятий, Ваилд окинул взглядом подтянутую загорелую фигуру и, потрепав по буйной шевелюре, с теплотой произнес:

– Отлично выглядишь, Джимми! Настоящий плейбой с Майами-Бич!

Тот широко улыбнулся, уважительно потрогал внушительные бицепсы Ваилда и не остался в долгу:

– Тебя, старина, тоже не берет время. Шварц рядом с тобой отдыхает!

– Куда ему до нас. Он воюет в Голливуде, а мы с тобой по-настоящему.

– Что, есть горячее дельце? – загорелся Мэтлок.

– Трудно сказать, слишком длинная цепочка, – уклонился от прямого ответа Ваилд и поинтересовался: – Калмин к встрече готов?

– Да, ждет.

– Как у него настрой?

– Особого восторга не выказал.

– М-да, у этих бизнес-шпионов только одно на уме – деньги!

– Не вижу проблем. Он сидит у меня на хорошем крючке, – заверил Мэтлок.

– Надеюсь, не сорвется, – был осторожен в оценках Ваилд и уточнил: – Где встречаемся?

– На конспиративной квартире.

– Это далеко?

– Нет, в районе Майами-Бич.

– Во сколько?

– В 16.00.

– Поехали, у меня мало времени! – распорядился Ваилд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.